

Вольфганг Акунов.

В ПОЛНЫЙ РОСТ.

Очерк жизни Владимира Каппеля.

В полный рост, господа, в полный рост
По февральскому талому снегу...
Жребий ваш беспощаден и прост,
Белый стан ваш подобен ковчегу,
И сулит вам мерцание звезд
Роковую свинцовую негу.

Тверже шаг, господа, твёрже шаг.
Здесь, над старой сибирской равниной
Адмиральский полощется флаг,
И колчаковский профиль орлиный
Озаряется вихрем атак,
Дуновением славы былинной.

На века, господа, на века
Станет доблесть сверкающим бликом,
И с последним ударом клинка,
И с прощальным надорванным криком
Ваши души взлетят в облака,
Растворятся в просторе великом.

Ни за что, господа, ни за что
Не замедлить мгновения эти.
Но когда—нибудь, лет через сто,
Вам поклонятся русские дети
За высокую честь и за то,
Что вы всё—таки были на свете.

Димитрий Смирнов

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

1. Честный русский немец

Русский немец Владимир Оскарович Каппель родился 15 апреля 1883 года в имении своих родителей неподалеку от города Белева (а не "Беляева", как часто неправильно пишут и думают!) Тульской губернии Всероссийской империи в скромной семье заслуженного боевого офицера Русской Императорской армии, выходца из Швеции – Оскара Павловича Каппеля, потомственного дворянина Московской губернии. Отец Владимира Оскаровича участвовал в "полуденной" Ахалтекинской экспедиции Русской армии 1880-1881 годов, будучи адъютантом знаменитого "белого генерала" Михаила Дмитриевича Скобелева. М.Д. Скобелев был прозван своими солдатами "белым генералом" за привычку появляться перед войсками в белой фуражке и белом мундирном сюртуке, чтобы быть отовсюду видным войскам, чтобы вселять в них бодрость и сознание, что они служат Царю Белому,

Православному, как говорилось в русских сказах и былинах.

Надо сказать, что и народы Востока знали и почитали Императора и Самодержца Всероссийского под этим же именем Белого Царя – Ак-Падишаха (так его звали мусульмане) или Цаган-Хана (так его звали ламаисты – калмыки, буряты и монголы). Исконный смысл титула "Белый Царь" заключался в том, что это – Царь Самодержавный, никакому другому царю не подчиненный, что соответствовало титулу царей-василевсов Второго Рима – единоверной нам Православной Византийской Державы – Автократор. Но промыслительным образом сыну адъютанта Скобелева, являвшегося "белым генералом" Белого Царя в этом исконно-традиционном евразийском смысле, было суждено самому стать Белым генералом в новом, глубоко трагическом для всякого честного русского патриота смысле и в этом качестве вступить на Крестный путь, приведший его к мученической гибели, но и к великой посмертной славе...

В ночь с 11 на 12 января 1881 года Оскар Павлович Каппель участвовал во взятии укрепленной крепости туркмен-текинцев Геок-Тепе (в 50 верстах от теперешней столицы Туркменистана – Асгабата, именовавшегося во времена Российской империи более удобьсказуемо и -произносимо "Асхабадом", а в советскую эпоху - "Ашхабадом"), и за проявленный при штурме героизм был награжден Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Важность операции по овладению Геок-Тепе была столь велика, что "белый витязь" М. Д. Скобелев был произведен в генералы от инфантерии.

Предки Владимира Оскаровича по материнской линии также вписали немало славных страниц в анналы военной истории Российской империи. Его дед по матери отличился в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 годов, став героем обороны Севастополя и Георгиевским кавалером.

Так что Владимир Оскарович – "военная косточка" - пошел в своих славных предков - защитников и приумножителей Российской империи.

Хотя семья Каппелей была шведского происхождения, как и многие обрусевшие дворянские фамилии родом с Запада (скажем, Суворовы или Врангели), но на Руси еще с допетровских, да и вообще с доромановских времен, таковых, ничтоже сумняшеся, зачисляли в "немцы" (так и говорили – "свейские немцы").

Военное образование молодой Каппель получил в столице Империи – "блистательном" Санкт-Петербурге – сначала во 2-м кадетском корпусе Петра Великого. Как известно, в дореволюционных военных училищах юношей воспитывали так, чтобы они имели нравственный, и никакой иной, авторитет перед подчиненными, чтобы солдаты уважали их не только за личное мужество, но и за чистоту помыслов (чтобы понять это, достаточно прочесть хотя бы книгу воспоминаний русского генерала и, впоследствии, Атамана Всевеликого Войска Донского, Петра Николаевича Краснова, "Павлоны"). Таким был и Владимир Оскарович Каппель – "беспартийный монархист, слуга Царю, отец солдатам". За это его не только уважали и любили, но прямо-таки боготворили подчиненные, готовые идти "в огонь и в воду" за своим обожаемым командиром.

После блестящего окончания полного курса 2-го кадетского корпуса 1 сентября 1901 года Владимир Оскарович вступил в службу в Николаевском кавалерийском училище юнкером рядового звания. Окончив по первому разряду Николаевское военное училище, Каппель 10 августа 1903 года был выпущен в 54-й драгунский Новомиргородский полк, с производством Высочайшим приказом в корнеты со старшинством 10 августа 1902 года. 29 января 1906 года Владимир Оскарович был произведен в поручики со старшинством 10

августа 1906 года. В 1906 году полк поручика В.О. Каппеля был командирован из Варшавской губернии, где была его стоянка, в Пермскую губернию на ликвидацию опасной "революционной" банды "борца за народное счастье" - дезертира, бывшего унтер-офицера Лбова. Окончив в 1913 году академию, Владимир Каппель оказался в горниле Великой Отечественной войны (именуемой предателями России – большевиками – "империалистической", которую они, засев на вражеской территории, неустанно призывали народы России, на немецкие деньги, превратить в "войну гражданскую" против собственного правительства и исторических устоев Российской Державы).

Начав войну в чине штабс-капитана, Владимир Оскарович Каппель окончил ее в чине подполковника. Неся Царскую службу при штабе – сначала 5-й Донской казачьей дивизии, затем - 14-й кавалерийской дивизии – и, наконец, при штабе всего Юго-Западного фронта, Каппель не раз бывал в деле, был дважды ранен в бою и награжден орденами Святого Владимира (IV степени), Святой Анны (II степени с мечами и надписью "За храбрость"), Святого Станислава (II степени). Февральский переворот (так называемая "великая бескровная революция") застал его совершенно врасплох, как и подавляющее большинство фронтовиков (а не только фронтовых офицеров).

Зная о характерной для Каппеля верности "уваровской триаде" - Вере, Царю и Отечеству, о его верности долгу и присяге – качествам, воспринятым и твердо усвоенным им еще в офицерском училище, невольно задаешься вопросом – почему же Каппель, как и другие русские офицеры, не выступил в защиту монархии и, в первую очередь – в защиту Царской Семьи? При ответе на этот вопрос следует, однако, учитывать, что людей со стойкими монархическими убеждениями к февралю 1917 года в Русской армии оставалось к сожалению, не так уж много. Верные присяге, они были всегда в первых рядах атакующих войск, устилаемая своими телами поля сражений. В ходе исключительно кровопролитной Великой войны русский офицерский корпус оказался сильно разбавленным так называемыми «офицерами военного времени» – выходцами из интеллигенции – политические убеждения которых обычно колебались между программой партии "кадетов" (конституционных демократов) и эсеров (революционных социалистов).

Что же касается оказавшихся, в результате почти четырехлетней "мясорубки", в абсолютном меньшинстве офицеров-монархистов, то последние, будучи в принципе привержены идее Монархии как таковой, зачастую были настроены враждебно по отношению к Государю Императору Николаю II и Государыне Императрице Александре Федоровне, верили грязным слухам о Г.Е. Распутине ("Царь с Егорием, а Царица – с Григорием...") и прочей враждебной пропаганде, целенаправленно и повсеместно распространявшейся силами враждебными Престолу, пользуясь крайней (а в военных условиях – преступной!) либеральностью подозрительно беззубой российской цензуры.

Не случайно никому иному, как будущему вождю Добровольческой армии и зачинателю Белого движения, боевому генералу Лавру Георгиевичу Корнилову, в марте рокового 1917 года было поручено Временным Правительством арестовать Императрицу Александру Федоровну с больными детьми в Царском селе. Причем Л.Г. Корнилов не постеснялся при этом именовать себя "революционным генералом"! Пишу об этом, как ни горько это для моего "корниловского" сердца! Правда, очень скоро, ощутив острую неприязнь (да что там говорить – враждебность!) молодой российской демократии к армии исторической России, несмотря ни на что, сохранявшей множество "родимых пятен" того, чем она являлась на протяжении всей своей истории – Православного Русского Воинства – многие русские офицеры (пусть даже "офицеры военного времени"!) возненавидели "проклятую керенщину".

Но, даже искренне пытаясь эту "керенщину" устранить, тот же Л.Г. Корнилов говорил своему верному соратнику и единомышленнику А.И. Деникину: "Нам нужно довести страну до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят – я устраниюсь..." Когда же позднее, уже в ходе Гражданской войны, у кого-то появлялась ностальгия по монархии, по освященной вековыми традициями российской государственности Царской власти, эта ностальгия не находила никакого конкретного выхода.

Политической линией белых правительств было (к сожалению и на беду нашему многострадальному Отечеству!) так называемое "непредрешенчество", то есть отказ "навязывать" России какой-либо государственный строй – в ожидании результатов общего волеизъявления всего русского народа на Учредительном собрании (правда, один раз большевикам уже удалось это собрание разогнать, но надежда на его новый созыв оставалась в умах белых правителей неистребимой).

И не случайно никто иной, как "Демон революции" Лев Давыдович Троцкий впоследствии вспоминал, что, "если бы белые предложили России избрать новую династию, мы (большевики - В.А.) не продержались бы и трех месяцев". Но... кого Бог хочет погубить, того он лишает разума...

Конечно, Владимир Оскарович Каппель никогда не был приверженцем подобного неопределенного, "непредрешенческого" демократизма. Совсем напротив! Каппель всегда был и оставался стойким, убежденным монархистом, и никогда не скрывал этого. В этом и заключалось его отличие от многих русских офицеров того времени. И получалось, что "истинно" русские люди нарушили присягу, данную Царю и отечеству, а этот "свейский немец", потомок шведских переселенцев (вдобавок женатый на представительнице пусть и обрусевшего, но также немецкого рода Ольге Стрельман!) оставался по-рыцарски верен Царю и идее Российской Монархии! Это делало его среди других белых офицеров (за исключением, может быть, белогвардейского юношества) еще более белой вороной!

Увы - Бог не дал ему послужить Царю до последнего вздоха! Но, поступив на службу в Белую армию адмирала Колчака осенью 1918 года, Владимир Каппель оставался непоколебимо верен Верховному Правителю России до самой своей смерти 26 января кровавого 1920 года. Когда Верховного Правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака подло предали свои же генералы и министры и покинул собственный конвой, когда от него равнодушно отвернулись антантовские "союзники", когда французский генерал Морис Жанен лишил его всякой поддержки и покровительства, а изменники-чехословаки выдали адмирала в Иркутске эсеровским мятежникам (получив за голову Колчака "пропуск" на проезд во Владивосток), один только Владимир Каппель поспешил на выручку Верховному Правителю сквозь ледяную тайгу.

Один из ветеранов сибирского Ледяного похода позднее писал: "Мы шли – и знали, что пройдем, потому что нас ведет генерал Каппель. Наверное, такая же мысль была и у суворовских солдат, когда они переходили Альпы, следуя за своим любимым вождем". Отморозив ноги, уже с ампутированными ступнями, Каппель не бросил свою армию, оставаясь в седле, чтобы продолжать вдохновлять своих "белых орлов". Оказавшись не в силах долее держаться в седле, он приказал привязать себя к лошади. Он опоздал. 7 февраля 1920 года адмирал А.В. Колчак был без суда (чего ради ломать судебную комедию из-за "врага трудового народа!") расстрелян врагами Великой России.

Перед расстрелом адмирал сказал, что, согласно воинскому уставу Русской

Императорской армии, командовать расстрелом офицера может только тот, кто старше его по званию.

Поскольку старшего его по званию в расстрельной команде красных не оказалось, адмирал заявил, что будет командовать своим расстрелом сам. Сказал – и скомандовал: "Товсь!" – "Пли!".

Один из очевидцев последних боев в Иркутске в декабре 1919 года позднее писал о защитниках города: "Все те же юнкера и кадеты, юнцы с пушком на губах, розовые, славные, цветущие... Сердце разрывалось, глядя на них... когда этих мучеников привозили в госпиталь с раздробленными руками и ногами... И ни одного слова, сжатые губы, спокойный взгляд". Судьба, ожидавшая этих раненых "белых орлят", которым было суждено попасть в руки красных, была ужасна. Большевики, прежде чем убить, подвергали их самым изощренным пыткам. Особенно отличались на ниве садизма красные китайские "интернационалисты". Их излюбленной пыткой был печально известный "китайский маникюр". Красные китайцы окунали руки пленных в крутой кипяток, после чего сдирали у них с рук отставшую от тела кожу, предварительно надрезав ее ножом в запястьях. До недавних пор в московском музее бывшей Советской, а ныне Российской армии хранилась такая "китайская перчатка" с сохранившимися на коже пальцев ногтями. В советские времена подпись под этим "экспонатом" гласила, что это, якобы, кожа красноармейца, содранная с его руки белыми контрразведчиками... Как известно, вор всегда громче всех кричит: "Держите вора!"...

Когда Каппель ушел в мир иной, его армия, во главе с генералом Сергеем Николаевичем Войцеховским, неся с собой тело погибшего Командующего, вдохновленная им, продолжила путь и достигла Иркутска. Красные были выбиты из предместий города, но дальнейшему продвижению каппелевцев помешали... вчерашние союзники Колчака и Каппеля, "братья-чехословаки"! "Голубые чехи" (по выражению большевизского барда Владимира Маяковского) развернули целую дивизию под командованием полковника Людвика Крейчя (Крейчи) и потребовали, чтобы каппелевцы ушли из города – под предлогом того, что боевые действия в Иркутске-де мешают эвакуации чехословаков с награбленным русским добром. "Чехов" поддержал уже упоминавшийся нами выше недоброй памяти глава антантовской Союзной миссии французский генерал Жанен (за спиной которого загадочным зловещим сфинксом маячил Зиновий Пешков - крестник "великого пролетарского писателя" и щедрого спонсора большевиков еще с дореволюционных времен Максима Горького и родной брат коммунистического вождя Якова Свердлова).

Не в силах сражаться со свежими силами вчерашних "союзников" и узнав о расстреле адмирала Колчака красными манкуртами 7 февраля, генерал С.Н. Войцеховский повел свою армию за "славное море, священный Байкал"... Но все это случилось позднее.

2. Восточный фронт Гражданской войны

Чтобы дать уважаемому читателю общее представление об историко-политическом фоне, на котором разворачивается наше повествование о Владимире Оскаровиче Каппеле, представляется необходимым дать краткий очерк борьбы на Восточном фронте гражданской войны в России.

Как известно, основой антибольшевизского сопротивления в Поволжье и Сибири стали подпольные группы эсеров и офицерские организации. С конца апреля 1918 года под руководством эсеровской партии было организовано антибольшевизское подполье в

Самаре, Уфе, Челябинске, Казани и Симбирске. Наиболее сильный, Самарский центр выступил одновременно с атакой города Пензенской группой Чехословацкого легиона под командованием полковника Станислава Чечека. Двадцатипятилетний офицер-фронтовик подполковник Н.А. Галкин взял на себя руководство Военным штабом белых подпольщиков. После того, как 8 июня чехословацкие легионеры взяли освободили Самару от красных, в городе, при поддержке чехов, быстро организовалась гражданская власть в лице тридцати четырех бывших депутатов разогнанного большевиками Учредительного собрания - почти исключительно правых эсеров, назвавших себя Комитетом членов Учредительного собрания (сокращенно - Комучем; в то время в России появилась мода на всевозможные сокращения, отнюдь не являвшиеся изобретением большевиков).

Формально избранное всенародным голосованием Учредительное собрание, за созыв которого начиная с февраля 1917 года выступали все политические партии и силы России, включая даже большевиков (пока те, увидев, что не смогут обеспечить себе большинство в "Учредилке", не разогнали ее силой оружия, расстреляв 5 января народную демонстрацию в поддержку разогнанного "собрания лучших представителей русского народа"), считавшееся высшим органом государственной власти в стране, должно было определить будущую форму правления в России, решив, оставаться ли ей по-прежнему монархией или стать республикой ПО ЗАКОНУ (провозглашение России республикой главой Временного правительства А.Ф. Керенским летом 1917 г. было не имевшим никакой юридической силы актом его личного произвола, сделавшим, кстати говоря, Временное правительство совершенно незаконным, даже с точки зрения самих создавших его "февралистов", утверждавших, потому и называвших свое правительство Временным, что оно должно было существовать лишь до созыва Учредительного собрания).

От "завоеваний революции" самарский Комуч, однако, отказываться не собирался. В знак этого над зданием "комучевского" правительства в освобожденной белыми от красных Самаре развевался не национальный русский бело-сине-красный, а "интернациональный" революционный красный флаг. В "Народной армии", формирование которой было начато Самарским правительством, наистрожайше запрещалось ношение погон и кокард, как атрибутов "реакционного офицерского корпуса" времен "проклятого царского режима". С одобрения Комуча в Самару перенес свою работу и Центральный Комитет партии эсеров.

Главкомандующим всеми войсками Народной армии и частями Оренбургского и Уральского казачьих войск стал вышеупомянутый командир 1-й Чехословацкой дивизии полковник Станислав Чечек.

Представляя власть, по существу однопартийную, Комуч (несмотря на свое название) стремился реализовать исключительно эсеровскую политическую программу и, по этой причине, менее всего мог бы претендовать на роль "общероссийской власти". Однако он почти полностью одобрил законодательство Временного правительства, свергнутого в октябре 1917 года большевиками.

Наиболее яркой отличительной особенностью внутренней политики Комуча являлась опора на местное самоуправление, на органы "представительной демократии". Многочисленные земельные комитеты, волостное земство, продовольственные управы, фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы), городские управы, домовые комитеты (домкомы) и квартальные советы должны были привлечь все "сознательные" и "здоровые силы общества" к сотрудничеству с новой "народной властью".

Однако в условиях жестокой русско-советской войны и все нараставшей хозяйственной

разрухи эффективность местной власти, опиравшейся исключительно на перечисленные выше органы самоуправления, оказалась весьма незначительной и малоэффективной. Поэтому уже в начале июля Комуч предпринял попытку усиления исполнительной вертикали. Однако результаты оказались далеки от ожидаемых, что было, в частности, подтверждено ходом мобилизации в Народную армию летом-осенью 1918 года.

"Отцами-основателями" Комуча предполагалось, что "Народная армия" будет состоять исключительно из добровольцев – "убежденных социалистов", "беззаветных борцов за народное дело", "готовых отдать жизнь и силы для защиты Родины и свободы" (знаменитый эсеровский лозунг). Образцом подобной "демократической армии" являлся, в глазах руководства Комуча, Чешско-Словацкий (или Чехословацкий) легион.

Первым подразделением "Народной армии" стала 1-я Самарская добровольческая дружина силой в триста пятьдесят штыков, сформированная полковником В.О. Каппелем – будущим легендарным героем Белого движения на Востоке России и Командующим "Народной армией" с июля 1918 года.

"Народная армия" Комуча комплектовалась как территориальная милиция (ополчение). Каждый город должен был выставить батальон пехоты и эскадрон конницы, а каждая волость – "дружинную роту". Однако ожидаемого притока добровольцев под красные знамена Комуча, вопреки ожиданиям, не произошло. И противостояние начавшемуся с конца июня давлению красного фронта, не говоря уже об освободительном походе на Москву, оказалось делом совершенно безнадежным.

В сложившихся условиях "демократическая власть", скрепя сердце, решила использовать старый, испытанный (хотя и перенятый у "проклятого царского режима") метод мобилизации.

Однако крестьянство поволжских губерний, не пожелав проявить "революционную сознательность" и "гражданское чувство", в целом отрицательно отнеслось к объявленному Комучем призыву. Большинство уездных крестьянских съездов приняло резолюции против отправки молодежи в "Народную армию". Известное дело:

Наплевать, наплевать,
Надоело воевать,
Были мы солдаты,
А теперь – до хаты...

В результате, основную нагрузку в вооруженной антибольшевицкой борьбе в Поволжье по-прежнему пришлось нести частям Чехословацкого корпуса. Первый этап военных операций успешно развивался по двум главным направлениям, вверх и вниз по Волге: соответственно, на Казань – Свияжск – Пермь и на Саратов – Царицын. Захваченные чехами огромные Сызранский и Симбирский железнодорожные мосты через Волгу позволяли белым постоянно получать подкрепления с Урала и из Сибири.

Плечом к плечу с чехословаками сражались первые отряды Народной армии. Сформированный в Самаре всего за несколько дней, отряд добровольцев полковника Каппеля после стремительного, стопятидесятикилометрового марша по правому берегу Волги, 21 июля с налета овладел Симбирском. Освобождению Симбирска способствовал отвод большевиками части своих войск, переброшенных на подавление народных восстаний в Ярославле, Муроме, Рыбинске и Костроме, организованных "Союзом защиты Родины и Свободы" под руководством бывшего эсера-террориста Бориса Викторовича

Савинкова (перешедшего, с началом Великой войны, с антигосударственных на патриотические, "оборонческие" позиции, хотя и запятнавшим себя, в очередной раз, сотрудничеством с "душкой" Керенским - как, впрочем, и многие другие, вплоть до генерала-монархиста П.Н. Краснова).

Значительным успехом Белого дела стало освобождение добровольцами Каппеля и чехословаками из 1-го имени Ян Гуса полка под командованием полковника А.П. Степанова (Северная группа Народной армии) Казани 7 августа 1918 года. Казань дала Народной армии около двух тысяч добровольцев (на первый взгляд, не особенно много, но в те критические дни был на счету буквально каждый штык!). Кроме того, в Казани были взяты остававшиеся там еще с царских времен богатые склады боеприпасов и снаряжения. Но главным результатом операции стал захват золотого запаса Российской Империи, эвакуированного в Казань еще по распоряжению А.Ф. Керенского. После освобождения Казани добровольцами Каппеля Волжский фронт опирался на линию Казань-Симбирск, удерживая в центре Самару.

Сентябрьские бои на Волжском фронте серьезно ухудшили положение Комуча. 27 августа красные отбили попытку группы Каппеля овладеть Свияжском и развернуть наступление на Нижний Новгород. Под натиском превосходящих сил большевиком истощенные и обескровленные непрерывными боями каппелевцы не смогли удержаться в Казани. 8 сентября город пал. 12 сентября превосходящие силы красных, не считаясь с огромными потерями ("чего там - бабы еще нарожают, что жалеть русскую кровь, когда скоро Коминтерн установит "власть мирового пролетариата" над всей "земшарною республикой Советов"!), овладели Симбирском. 14 сентября Северная и Южная группы Народной армии Комуча объединились в районе столица Комуча – Самары – рассчитывая удержать так называемую Самарскую луку (изгиб Волги под Самарой) и Сызранский мост.

Командование объединенными вооруженными силами Комуча принял на себя чешский полковник Йосиф (Йозеф) Шве́ц (один из немногих кадровых военных в составе руководства Чехословацкого легиона). Самара осталась последним белым городом в Поволжье, падение которого было бы равносильно и падению самого Комуча. Трудно поверить, но даже в этой обострившейся до предела ситуации правительство Комуча продолжало заниматься политическими интригами! В адрес военных снова посыпались обвинения в "реакционности" и "стремлении восстановить старорежимные порядки"! Как и в злосчастном 1917 году, неисправимые эсеры призывали провести проверку офицеров Народной армии на предмет проверки из политической благонадежности и "преданности идеалам защиты демократии и свободы"!

Подобные намерения правительства Комуча, и без того пользовавшегося крайне низким авторитетом как в армии, так и в тылу, окончательно оттолкнули от него даже последних сторонников. Чехословацкое военное руководство считало бессмысленной дальнейшую поддержку правительства, не способного ни сформировать полноценную армию ("на фронте-то воюют одни чехи"), ни наладить эффективный государственный аппарат.

В рядах самих чехословацких легионеров, уяснивших, что теперь, после тяжелых поражений, понесенных на фронте от красных, им уже не удастся проложить себе штыками дорогу на Родину, в Европу, начали широко распространяться повсеместные апатия и разочарование, в результате которых стали учащаться случаи самовольного ухода не только отдельных солдат и офицеров, но и целых частей Чехословацкого легиона с фронта в тыл.

Не в силах вынести этого позора, полковник И. Шве́ц застрелился (в последний раз

сказался менталитет бывшего австрийского императорского и королевского офицера)! Остатки Народной армии оказались не в силах вынести напора красного "парового катка", и 7 октября 1918 года Самара была сдана большевикам. Самарские эсеры-демократы, несостоявшиеся претенденты на "общероссийскую власть", силою вещей были вынуждены признать новой властью Уфимскую директорию, образованную 23 сентября 1918 года. Бои в Поволжье постепенно затихли. Обе стороны накапливали силы перед новым этапом вооруженной борьбы.

В отличие от поволжского Комуча, сибиряки из Уфимской директории, не предъявляли претензий на создание общероссийского правительства. Декларируемая ими идея "областной власти" являлась выражением стремления сибирских политиков и коммерсантов временно, до разгрома большевиков, отделиться от центра России, захваченного большевиками.

Повторим еще и еще раз: в этом лозунге не было намерения выйти из состава России, основать свое, независимое "сибирское государство", а было лишь желание не допустить разгула кровавой анархии и беззакония, олицетворением которых для сибиряков являлась красная Москва. И не случайно многие сибирские "областники"-автономисты (П.В. Вологодский, И.И. Серебrenников, профессор Г.К. Гинс, генерал П.П. Иванов-Ринов - последний впоследствии, уже после окончания Гражданской войны, перешел на сторону большевиков) стали впоследствии ревностными сторонниками создания Всероссийского центра по борьбе с большевизмом, представлявшего первоначально Уфимской директорией, затем – Омским правительством, и Верховным Правителем России – адмиралом А.В. Колчаком.

Специфической особенностью политической системы белой Сибири явилось довольно быстрое формирование там структур государственной власти – Областной Думы и правительства. Последнее объяснялось тем, что упомянутые выше органы были избраны и приступили к работе еще в декабре 1917 года. Поэтому с первых же дней после ликвидации большевицкого режима "голубыми чехами" в Сибири и Дума, и правительство смогли безотлагательно вернуться в легальной работе.

После удачного выступления чехословацких легионеров практически все крупные города Сибири оказались освобожденными от советской власти. 26-31 мая восстания победили в Новониколаевске (нынешнем Новосибирске), Семипалатинске, Красноярске, Омске, Томске.

Сибирские эсеры (в отличие от поволжских), при всей своей преданности партийной программе, были вынуждены участвовать в правительстве на основе "делового принципа". Наибольшим авторитетом в Сибири пользовались кооперативные структуры и представители крестьян-старожилов, а также сибирского казачества, отнюдь не склонные следовать узко партийной программе "социалистов-революционеров". С первых же своих шагов Сибирское правительство отвергло политику сохранения "завоеваний революции", погубившую самарский Комуч. В Сибири были отменены все большевицкие декреты, а сами Советы объявлены ликвидированными.

В течение июля-августа 1918 года были изданы распоряжения о денационализации сибирской промышленности, об упразднении "рабочего контроля", о восстановлении права собственности на землю и об отмене хлебной монополии. На предприятиях сохранялся восьмичасовой рабочий день, утверждались положения о больничных кассах, о бирже труда, примирительных камерах (согласительных судах), укреплялось положение профсоюзов (роль которых была сведена при большевиках практически до нуля) – хотя

политика из профсоюзной деятельности полностью исключалась (но ведь так было и при власти Советов!). Большое внимание уделялось развитию хозяйства Сибири. Эффективная работа Временного Сибирского правительства создала надежную базу для будущего Российского правительства адмирала Колчака (в котором многие из министров-"областников" сохранили свои портфели и в 1919 году).

Сразу же началась активная работа по формированию Сибирской армии. Последняя (в отличие от поволжской Народной армии Комуча) строилась на началах строжайшей дисциплины, безо всяких солдатских комитетов и митинговщины. Однако сформировать армию исключительно на принципе добровольчества отказалось невозможным и в Сибири. Так же, как и в Поволжье, в Сибири было объявлено об обязательном призыве на военную службу новобранцев двадцати-двадцатиоднолетнего возраста. Был разработан детальный план набора, определены пункты сбора, размещения и обучения мобилизованных.

Эффективность подобных мер сказалась очень скоро. Сибирская мобилизация дала двести тысяч пехоты и сабель пополнения для немногочисленных добровольческих белых частей "первого призыва". Тем самым Сибирская (впоследствии – Российская) армия адмирала Колчака стала наиболее многочисленной среди всех Белых армий. Правда, надежность мобилизованных сибиряков во многих случаях оставляла желать много лучшего.

Таким образом, если положение Комуча напрямую зависело от военных успехов Народной армии на фронте, то в относительно спокойной Сибири устойчивость белой власти в гораздо большей степени зависела от политической стабильности тыла. Решающее значение для победы над большевиками приобретал принцип твердой государственной власти: "Во имя конечной победы демократии можно временно поступиться демократическими нормами".

8 сентября 1918 года вошло в историю антибольшевицкого Сопротивления в качестве последней попытки организовать "демократическую власть" во всероссийском масштабе, попытки возродить разогнанное большевиками Учредительное Собрание, наделив его правами высшей власти в России. В этот день в Уфе начало работу "Государственное Собрание". В нем участвовало в общей сложности более двухсот делегатов. Председателем "Государственного Собрания" стал правый эсер Н.Д. Авксентьев.

Одновременно было заявлено о возобновлении работы старого Учредительного Собрания не ранее 1 января 1919 года при кворуме двести пятьдесят человек.

Состав избранной Уфимской директории был призван продемонстрировать единство армии, политики и различных регионов России в борьбе с большевизмом. Но члены Директории в действительности представляли лишь противобольшевицкие силы Востока России и уже в силу данной причины оказались не в состоянии претендовать на выражение общероссийских интересов.

Тем временем положение на фронте отнюдь не улучшалось. В сентябре-начале октября 1918 года под ударами красных окончательно развалился Волжский фронт. Остатки поволжской Народной армии с боями отходили на Бугульму (каппелевцы) и Бугуруслан (чехословаки) по линии Самаро-Златоустовской железной дороги. Весь октябрь прошел в кровопролитных арьергардных боях с наседавшими красными. Сопротивление чехословацких частей большевикам становилось все более слабым. Связь с уральскими и оренбургскими "белоказаками" (по терминологии большевистских фукидидов) была

нарушена. Красные взяли Уральск и Оренбург, и теперь белым приходилось сражаться на два фронта – против красных войск, наступавших с Волги и из Туркестана.

Создалась реальная угроза захвата большевиками Уфы, и Директория была вынуждена 9 октября эвакуироваться в Омск. Когда же 11 ноября 1918 года в Сибирь пришли известия о прекращении Великой войны между Центральными державами и Антантой, удержать чехословаков на фронте оказалось более невозможным, и легионеров отправили в тыл, на охрану Транссибирской железной дороги. Другие союзники русских белогвардейцев в Сибири - польские, сербские (югославянские) и румынские военные формирования, также сражались с большевиками достаточно вяло (кроме, разве что, поляков). Американские "интервенты" вообще были заняты не борьбой с красными, а, главным образом, "строгим наблюдением" за другими, японскими "интервентами" (оказывавшими, где и когда могли, белым русским в Сибири и на Дальнем Востоке гораздо более существенную помощь, но связанным по рукам и ногам американской "дружеской опекой"). Отныне антибольшевицкому Сопротивлению на Востоке России приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Эвакуировавшись в Омск, Директория оказалась в плотном политическом окружении сибирских "областников". Принципиально важным становилось решение об образовании, взамен Директории, "Всероссийского Совета министров". По этому вопросу снова развернулись жаркие политические дебаты. Кандидатура каждого кандидата на министерскую должность подвергалась наитщательнейшему обсуждению. Эсеры, как обычно опасались "крена вправо", в то время как их политические противники не менее внимательно следили за тем, чтобы партийный состав правительства не "сдвинулся влево".

Утвержденный Директорией Совет министров (всего четырнадцать министров) возглавил П.В. Вологодский (единственный член Директории, вошедший в состав нового исполнительного органа общероссийской власти). Военным и морским министром стал будущий Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак (оказавшись в Омске проездом с Дальнего Востока на Юг России, где он собирался возглавить белый Черноморский флот, Колчак, по личному настоянию генерала В.Г. Болдырева и Н.Д. Авксентьева, остался в Сибири).

Особой Грамотой от 6 ноября 1918 года Директория ликвидировала все областные правительства и органы высшей представительной власти. Отныне на смену "областничеству" вновь приходила Всероссийская власть. А через две недели бывший Командующий Черноморским флотом, знаменитый исследователь Арктики, вице-адмирал Александр Васильевич Колчак стал Верховным Правителем России, олицетворением Белой Идеи, подлинным рыцарем Белой Борьбы и Белой России.

Образование антибольшевицкого Восточного фронта, создание Временного Всероссийского правительства и воссоздание Российской армии сделали необходимыми его имя и популярность именно здесь. В ночь на 18 ноября в Омске произошел военный переворот, выдвинувший Колчака на вершину всероссийской власти. Всероссийский Совет министров настоял на его провозглашении Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим ее вооруженных сил. Одновременно А.В. Колчак был произведен в полные адмиралы. Бело-зеленый флаг сибирских "самостийников" был заменен восстановленным в своих правах трехцветным бело-сине-красным национальным флагом Великой России, бело-зеленые ленточки на головных уборах - "старорежимными", "царскими" кокардами, столь милыми всякому истинно-русскому сердцу. В феврале 1919 года наступили сильнейшие морозы. Боевые действия замерли на линии Пермь-Уфа-

Оренбург-Уральск.

После ликвидации Уфимской директории и установления единовластия Верховного Правительства России адмирала А.В. Колчака часть партии эсеров стала придерживаться политики "ни Ленин, ни Колчак", а часть "социалистов-революционеров" начала вооруженную борьбу против "белой власти" (и в первую очередь - принялась за организацию крестьянских восстаний в Белой Сибири, население которой не успело вдоволь насладиться "прелестями" большевицкой диктатуры и потому позволяло себе возмущаться "деспотизмом" и "тиранией" Колчака, придерживаясь взглядов, изложенных в словах известной "революционной" песни:

Бога нет, царя - не надо,
Мы урядника убьем,
Податей платить не будем
И в солдаты не пойдем...

Очень скоро большевики взяли их "к ногтю" и "свободолюбивые" сибирские мужички звывли под гнетом "родной народной власти", да уж поздно было...

Удерживая наличными силами горные проходы через Урал, адмирал Колчак спешно начал формировать новые части. Остатки поволжской Народной армии были отведены в тыл на переформирование. На севере фронт держала наиболее подготовленная и многочисленная Сибирская армия под командованием произведенного в генералы бывшего офицера Чехословацкого легиона, Георгиевского кавалера Радолы Гайды (Рудольфа Гейделя).

Именно Сибирской армии Гайды предстояло нанести главный удар по красным (от Перми на Вятку-Котлас) для соединения с войсками белого Архангельского фронта. Одновременно с наступлением Сибирской армии в северном направлении планировалось нанесение удара в направлении на Волгу силами Западной армии под командованием генерала М.В. Ханжина. В ходе предстоящего военного наступления белым армиям адмирала Колчака предстояло не только восстановить позиции, утраченные осенью 1918 года, но и прорвать большевицкий фронт по направлению к Москве.

Не дожидаясь весенней распутицы, неизбежно замедлившей бы ход наступления, Сибирская армия Гайды перешла в наступление 4 марта. Уже 7 марта действовавший в ее составе 1-й Средне-Сибирский корпус под командованием генерала А.Н. Пепеляева штурмом взял Оханск. 8 марта 3-й Степной Сибирский корпус начал продвижение на Глазов. 6 марта перешла в наступление и Западная армия генерала Ханжина. 10 марта 2-й Уфимский корпус под командованием генерала Войцеховского выбил большевиков из Бирска. 14 марта 3-й Уральский корпус горных стрелков под командованием генерала Р.К. Бангерского (будущего организатора латвийских добровольческих частей СС в годы Второй мировой, или, если угодно, Европейской Гражданской войны) освободил Уфу от красных.

Апрель 1919 года поистине стал периодом самых блестящих побед Российской армии в Русско-советской гражданской войне. Стремительно развивая достигнутый успех, Российской армии удалось отбросить красных за Каму и Волгу. В начале апреля Западная армия генерала Ханжина овладела Бугульмой, Белебеем и Мензелинском. Сибирская армия генерала Гайды освободила от красных Воткинск и Сарапул. Белым казачьим армиям удалось прочно блокировать Оренбург и Уральск. 12 апреля 1919 года адмирал Колчак принял решение о начале общего наступления. По этому плану Сибирской армии

Гайды надлежало выйти к Казани и далее на Вятку и Вологду, на соединение с Северной Добровольческой армией генерала Е.К. Миллера. Западной армии Ханжина предстояло выйти к Симбирску и Сызрани, а затем, развивая успех, прорваться на соединение с Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) генерала А.И. Деникина.

С нами Бог, с нами Бог!
Красных давим мы, как блох!

Во исполнение директивы Верховного Правителя России, Российская армия начала успешное наступление на Волгу. 13 апреля Сибирская армия Гайды освободила от красных Ижевск, а Западная армия Ханжина 15 апреля овладела Бугурусланом. Оренбургская армия полностью окружила красный гарнизон в Оренбурге. К концу апреля 1919 года армии Верховного Правителя России вышли на подступы к Казани, Самаре и Симбирску, освободив от большевиков громадную территорию с важными промышленными и хозяйственными ресурсами и населением свыше пяти миллионов человек. Перед ней открывалась дорога на Москву.

Однако в мае белое наступление начало выдыхаться. В тылу стали вспыхивать подготовленные тщательно законспирированным большевизмом подпольем (и эсерами) крестьянские бунты. Под Оренбургом части Российской армии потерпели первое поражение. Красные сосредоточили на Восточном фронте мощную группировку войск, перебросив на Восток почти все свои резервы. Вскоре, после ожесточенных боев, в ходе которых красные применили боевые отравляющие вещества (каждый третий снаряд, выпущенный войсками Чапаева и Фрунзе по Уфе, был химическим) белым пришлось вновь оставить Уфу. В июне белым не удалось удержаться на рубежах Уральского хребта. В июле красные прорвались на просторы Сибири. Тяжелейшие бои под Челябинском и Златоустом показали, что большевики готовы, не жалея сил и средств, не допустить прорыва белых армий к Волге.

И все-таки, несмотря на неудачи весеннего наступления, белая армия адмирала Колчака, оставалась все еще вполне боеспособной и страшной врагам. Теперь в ее задачи входило, по сути, оказание поддержки и содействия Вооруженным Силам Юга России генерала Деникина в наступлении последних на Москву путем отвлечения на себя частей Красной армии. В августе 1919 года развернулось сражение на реке Тобол, в котором красным было нанесено тяжелое поражение. В сентябре бои разгорелись с новой силой. Было поголовно мобилизовано все сибирское казачество. Спешно формировались добровольческие дружины из чиновников, студентов и гимназистов. Однако, несмотря на все эти поистине титанические усилия, белый фронт в середине октября вновь неудержимо покатился на восток. 1 ноября 1919 года была эвакуирована столица Белой Сибири – город Омск. Адмирал Колчак одним из последних покинул обреченный город. Вместе с Верховным Правителем России следовал особый эшелон, в котором хранился золотой запас Российской империи. Новой столицей был назначен Иркутск. Катастрофа надвигалась неотвратимо.

Падение Омска, в котором большевики захватили огромные запасы оружия, боеприпасов, разнообразного военного имущества и более десяти тысяч пленных, ознаменовало собой начало знаменитого в истории русско-советской гражданской войны на Востоке России тысячеверстного "Великого Сибирского (Ледяного) похода".

Отходившие под натиском красных армии адмирала Колчака разбились на три группы – Южную, Среднюю и Северную.

Южная группа устремилась по тракту устремилась по тракту Барнаул-Кузнецк-Минусинск.

Средняя группа двигалась вдоль Транссибирской магистрали.

Северная группа отступала вдоль рек севернее Транссиба.

После того, как 29 ноября пришлось оставить Новониколаевск, Главнокомандующим был назначен генерал В.О. Каппель. Верховный Правитель России адмирал Колчак принял план нового Главнокомандующего Каппеля об отводе белых войск за реку Енисей.

22 декабря 1919 года красные взяли Томск и разгромили 1-ю армию генерала Пепеляева. В тылу белых красные повстанцы-партизаны взяли Кузнецк. 24 декабря 1919 года части 5-й Красной армии захватили станцию Тайга. Стремясь избежать окружения, генерал Каппель начал отводить свои части к Красноярску. Но 4 января 1920 года в Красноярске подняли мятеж распропагандированные большевиками и эсерами рабочие и солдаты 1-го Сибирского корпуса под командованием генерала-предателя Б.М. Зиневича. Завязались упорные бои каппелевцев с мятежниками на подступах к городу.

В этот тяжелейший момент, когда остатки белых армий оказались фактически в окружении, генерал Каппель разрешил колеблющимся из числа своих солдат сдаться красным, чтобы "налегке", избавившись от этого ненадежного балласта, таившего в себе постоянный потенциал угрозы, продолжать отступление на Восток с верными бойцами и их семьями, спасавшимися от большевицкого террора.

7 января 1920 года колонны войск Каппеля начали переправу через Енисей. Способными к продолжению вооруженной борьбы оказались всего тридцать тысяч бойцов из почти трехсотпятидесятитысячной группировки. Конечной целью Каппеля было вывести своих бойцов в Забайкалье, на соединение с частями атамана Г.М. Семенова. Для этого им предстояло пешим порядком, в лютый мороз, преодолеть тысячеверстный путь по Старому Сибирскому Тракту.

Ценой поистине невероятных усилий каппелевцам удалось оторваться от преследовавших их красных частей, и белые колонны двинулись через зимнюю тайгу на восток, "встречь Солнцу". В это время в глубоком тылу Колчака, на станции Черемхово, а затем и в предместье Иркутска – Глазкове – вспыхнули восстания, подготовленные большевицко-меньшевицко-эсеровской агентурой. После кровопролитных боев с мятежниками белые отступили на Байкал. 4 января 1920 года власть в Иркутске перешла к эсеров-меньшевицкому Политическому центру (Политцентру), ширококвещательно объявившему о низложении власти адмирала Колчака на всей территории Сибири. В ночь на 13 января 1920 года Конвой Верховного Правителя России и охрана поезда с золотым запасом России были разоружены под давлением чехословаков, при "нейтралитете" миссии Антанты во главе с французским генералом Жаненом. Надо заметить, что Конвой и охрана дали себя разоружить без каких бы то ни было попыток сопротивления, после чего незамедлительно покинули адмирала Колчака, бросив его на произвол судьбы.

Как писал ветеран Белой борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке, русский поэт Арсений Несмелов (А.И. Митропольский), проделавший весь тысячеверстный поход в рядах каппелевцев:

Умчали чехи Адмирала
В Иркутск – на пытки и расстрел...

15 января 1920 года арестованный Колчак был доставлен в Иркутск.

Между тем, группа Каппеля упорно шла вперед, сметая красные заслоны, встававшие у нее на пути. 22 января 1920 года Каппель собрал в Нижнеудинске совещание, на котором было принято решение ускорить движение к Иркутску двумя колоннами, взять город с ходу, освободить Верховного Правителя России и вернуть золотой запас. После освобождения Колчака генерал Каппель предполагал установить прочную связь с атаманом Семеновым и создать новый фронт против большевиков.

Каппель вел свои войска на восток, не взирая на лютые морозы и глубокие снега, не щадя ни себя, ни людей. 25 января он умер, передав перед смертью командование своему верному соратнику, генералу С.Н. Войцеховскому. Части каппелевцев под командованием генерала Войцеховского продолжали наступление на Иркутск вдоль Транссибирской железной дороги, везя гроб с телом Каппеля с собой. 1 февраля 1920 года войска генерала Войцеховского стали готовиться к штурму Иркутска. Каппелевцы подступили вплотную к Иркутску, на подступах к которому 5-6 февраля завязались жестокие бои.

Опасаясь освобождения Колчака каппелевцами, большевицкий Военно-Революционный комитет (ВРК), сменивший у власти выполнивший для него предварительно всю "грязную работу" эсеро-меньшевицкий Политцентр, принял постановление о расстреле Верховного Правителя России. 7 февраля в 5 часов утра приговор был приведен в исполнение расстрельной командой левых эсеров под командованием большевика Самуила Чудновского на берегу Ангары. Тело адмирала Колчака было спущено красными убийцами под лед. Узнав о расстреле Колчака, генерал Войцеховский, после ожесточенных и кровопролитных боев, прекратил штурм Иркутска и, обойдя город, устремился на Читу. В его обозе на Читу продвигался и гроб с телом Каппеля.

В начале марта 1920 года каппелевцы, сумевшие уйти за Байкал, дошли до Читы, где и объявили о своем подчинении атаману Семенову, которого адмирал Колчак назначил в свое время Главнокомандующим в Восточной Сибири. Там каппелевцы воевали с красными до конца 1921 года в составе сформированной новой дальневосточной армии.

Но и после ликвидации большевиками так называемой "читинской пробки" каппелевцы продолжали борьбу с красными в Приморье до октября 1922 года, покрыв себя неувядаемой славой и в "штурмовые ночи Спасска", и в "волочаевские дни". Летом 1922 года во Владивостоке был созван Приамурский Земский Собор, провозгласивший восстановление в России монархии и избравший Верховным Правителем России дядю свергнутого "февралистами" и злодейски убитого большевицкими изуверами в Екатеринбурге последнего Российского Императора Николая Александровича – Великого князя Николая Николаевича, бывшего Главнокомандующего Русской Императорской армией в годы Великой войны. Диктатором Приморья и Главнокомандующим (Воеводой) его вооруженных сил (Земской Рати) был назначен генерал М.К. Дитерихс. Как радовался бы стойкий монархист Владимир Оскарович Каппель, доживи он до этого дня! Но увы... Бог не дал белому рыцарю дожить до этого дня...

Пока же, после заключения большевиками, узурпировавшими власть над Россией в результате октябрьского переворота 1917 года, позорного и грабительского по отношению к России "похабного" Брестского мира 1918 года, боевой офицер Владимир Каппель оставил фронт и уехал в тыл.

По заключенному 3 марта 1918 года позорному, крайне унижительному для национальной

гордости великороссов Брестскому миру Россия лишилась Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Крыма, Закавказья, Карса и Батума, армии и флота. Оккупированные германцами области России и Белоруссии оставались у немцев до конца Великой войны и выполнения Советами всех условий Брестского мира. На Россию была наложена контрибуция в шесть миллиардов имперских марок золотом. Сверх того, большевики обязались уплатить своим немецким хозяевам компенсацию в пятьсот миллионов золотых рублей "за убытки, понесенные немцами в ходе революции в России". После вывода остатков деморализованных русских войск и красновардейских банд с уступленных большевиками Германии бывших российских территорий туда сразу же были направлены германские части.

5 марта, через два дня после подписания позорного Брестского мира, 23 германских батальона во главе с генералом графом Рюдигером фон дер Гольцем высадились на мысе Ханко (Гангут) и помогли финским белогвардейцам бывшего царского генерала Маннергейма разгромить местную "власть советов", сидевшую на штыках финской "Красной гвардии" и части русских большевиков, после Бреста бросивших своих финских "братьев по классу" на произвол судьбы. В целях окончательного закрепления германского протектората над Финляндией, последняя была объявлена вассальной по отношению к Германской империи монархией с кузеном германского кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна, принцем Фридрихом-Карлом Гессенским, в качестве короля. Правда, до коронации дело не дошло – по мере ослабления мощи Германии, неизбежность поражения которой в мировой войне становилось все более очевидной, Финляндия переориентировалась на Антанту. Но пока что до этой "смены ориентиров" было еще далеко.

Как писал в своих мемуарах германский фельдмаршал Пауль фон Гинденбург унд Бенкендорф: "Кроме того, мы надеялись привлечением Финляндии на нашу сторону затруднить военное влияние Антанты со стороны Архангельского и Мурманского побережья... В то же время мы угрожали этим Петрограду, что было всегда очень важно, потому что большевистская Россия должна была сделать новую попытку нападения на наш восточный фронт". Интересно бы узнать, почему Гинденбург был так уверен, что Советская Россия непременно должна будет напасть на немцев? Может быть, ему было известно о тайных переговорах большевиков с Антантой? Ведь военные десанты Антанты в Архангельске и Мурманске, о которых Гинденбург вел речь выше, были высажены там с согласия большевистских Советов рабочих и солдатских депутатов! Таким образом, не остается камня на камне от широко распространенного мифа большевистской пропаганды – об "империалистической интервенции" Антанты на Севере России, как якобы направленной на свержение там советской власти, а не на охрану складов с антантовским военным имуществом и портов на случай германского нападения (как это было в действительности!).

На Украину (объявившую себя отдельным государством и заключившую с Центральными державами отдельный мирный договор) вошли войска германского генерал-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна (кстати говоря, внука философа Фридриха Шлегеля) для обеспечения вывоза оттуда в Германию, по условиям Брестского мира, шестисот миллионов пудов зерна (один пуд равнялся 16,38 кг), двух миллионов семисот пятидесяти тысяч пудов мяса, да вдобавок ежемесячно тридцати семи с половиной миллионов пудов железной руды и многого другого. В Грузию вступил германский экспедиционный корпус Фридриха Кресса фон Крессенштейна – для охраны грузинской нефти и руды, которые отныне должны были удовлетворять потребности Германской империи (именно Кресс фон Крессенштейн, уже после распада германо-турецкого военно-политического союза, сорвал в 1918 году вторжение советской Красной армии в Грузию

через Абхазию). Оседланная большевиками Россия попала в полную экономическую зависимость от Германии, превратившись в сырьевой придаток и базу снабжения Центральных держав, обеспечив им возможность продолжать войну против Антанты, то есть "продолжать лить кровь пролетариев, одетых в солдатские шинели, во имя обогащения кучки империалистов".

А что же Каппель? В Самаре этот удостоенный высоких боевых наград недавний фронтовой офицер Русской Императорской армии, никогда не скрывавший своих монархических убеждений, казалось бы, совершенно неожиданно для человека такого воспитания и таких взглядов... поступил на службу в Красную армию. Думается, в данном нетипичном (и наверняка совсем не простом) для Каппеля решении сыграл свою роль тот момент времени, в который оно было принято этим пламенным русским патриотом. Дело было весной 1918 года. Каппель, вероятно, как и многие другие, рассчитывал, что военные действия против все еще почитавшихся им тогда за главных врагов России немцев (в конце концов, именно немцы, желая, любыми средствами, вывести Россию из войны, взяв с нее огромную контрибуцию, и тем самым укрепить свои позиции на Западном фронте, против держав Антанты, в "пломбированном вагоне", под присмотром переодетых германских офицеров, заслали к нам ленинскую шайку!).

Как говорил поэт, "надежды юношей питают...". К описываемому времени Владимир Каппель был отнюдь не юношей, но все же, видимо, еще не привык к совершенно новому уровню человеческой подлости, привнесенного в российскую действительность трудами достойных представителей славной ленинской когорты "пламенных интернационалистов" - большевицкой "партии национальной измены". Не верил, видимо, что у людей, родившихся и выросших в России, евших русский хлеб и русское сало, пивших русскую воду и русскую водку, ходивших в русские школы, окончивших русские гимназии и университеты, полностью атрофировались не только последние остатки русского национального чувства (у кого оно было), но и элементарного чувства преданности – да что там преданности! - хотя бы благодарности вскормившей и вспоившей (или, по крайней мере, приютившей) их стране.

Но, очень скоро убедившись в неизменности "генеральной линии" большевицкой партии на мир и сотрудничество со вчерашним смертельным врагом – Германией, в боях с которой четыре тяжких года истекали кровью на полях Отечественной войны миллионы лучших сынов Российской Державы, увидев воочию, какую невиданно жестокую политику проводят большевицкие сатрапы в отношении буквально всех слоев российского народа – дворянства и купечества (бессудные расстрелы, "грабеж награбленного" и заключение в концентрационные лагеря, первые из которых Ленин и Троцкий распорядились организовать "по свежим следам", уже в начале 1918 года), интеллигенции (бессудные расстрелы, мобилизация на принудительные работы и заключение в концентрационные лагеря), духовенства (расстрелы, а чаще изуверские убийства, кощунства, осквернение церквей, мобилизация на принудительные работы, заключение в концентрационные лагеря), и даже, якобы, союзников большевиков (именовавших свой режим "диктатурой пролетариата"!) – "пролетариев"-рабочих (запрет забастовок, бессудные расстрелы, заключение в концлагеря), но, в первую очередь – составлявшего большинство населения России крестьянства (продразверстка, обрекавшая на голодную смерть хлеборобов и их семьи, бессудные расстрелы, заключение в концлагеря), Каппель принял твердое решение примкнуть к силам, поднявшим оружие против большевиков. Тут как раз восстали чехословацкие legionеры. Освобожденные ими от красных железнодорожные станции и города, расположенные вдоль Транссибирской магистрали, стали центрами кристаллизации русского белого антибольшевицкого Сопротивления.

Здесь представляется уместным рассказать несколько подробнее о Чехословацком корпусе и о входивших в его состав чехословацких legionерах.

3. "Голубые чехи"

Чехословацкий корпус был сформирован еще в года Великой Отечественной войны 1914-1918 годов командованием Русской Императорской армии из числа чехов и словаков, представителей славянских народов, призванных в свое время в армию лоскутной, многонациональной Австро-Венгерской монархии (именовавшейся также Дунайской, или Двуетиной), в состав которой входили их земли (Чехия и Моравия – в состав Австрийской империи, или Цислейтании, Словакия – в состав Венгерского королевства, или Транслейтании).

Ни чехи, ни словаки, в большинстве своем, особой привязанности к "швабско-мадьярской" монархии Габсбургов, олицетворением которой на протяжении многих десятилетий служил ернически осмеянный «пламенным интернационалистом» — красным чехом Ярославом Гашеком — "старец-монарх" Франц-Иосиф I ("августейший Император" Австрии и «апостолический Король" Венгрии"), не испытывали, кровь за нее проливать не собирались и при первом же удобном случае так и норовили перебежать на нашу сторону или сдаться в плен.

Характерным представляется и то обстоятельство, что подобное поведение ни в коей мере не диктовалось отсутствием у чехов или словаков природной храбрости – оно было типично для них только на Русском (Восточном) фронте, в то время, как, к примеру, против итальянцев чехи и словаки в голубых австрийских мундирах сражались не менее стойко, чем подданные короны Габсбургов из числа других народов. Слишком велико было в сердцах всех славян обаяние Великой России, как верной союзницы славянства, питавшееся в умах национально мыслящих представителей чешской и словацкой интеллигенции (остававшейся таковыми и в австрийских мундирах) надеждами на основание (а у чехов – воссоздание) собственного национального государства, добиться которого можно было лишь в совместной с русскими «братьями-славянами» борьбе против "тюрьмы народов" Австро-Венгрии (хотя, справедливости ради, Дунайскую монархию, в отличие от Царской России, никто так в довоенной Европе почему-то не называл!).

Разумеется, командование Русской Императорской армии не преминуло воспользоваться благоприятной возможностью ослабить позиции Австро-Венгрии и усилить военную мощь России за счет десятков тысяч чешских и словацких штыков и сабель. В составе Русской армии были сформированы три полноценные дивизии, сведенные в единый Чехословацкий корпус (или, как его еще именовали, легион). Чехословацкие (чаще именуемые, для краткости, просто чешскими) легионеры плечом к плечу с русскими войсками доблестно сражались против австро-венгерских войск (чаще именуемых у нас, для краткости, просто австрийцами, или "австрияками") и их германских товарищей по оружию.

После свержения большевиками, с немецкой помощью, Временного правительства, окончательного развала Русской армии и заключения в начале 1918 года «похабного» Брестского мира Россия оказалась выведенной красными узурпаторами из Великой войны. Обеспокоенная ослаблением своих позиций Антанта, по согласованию с большевистским руководством, достигла с Совдепией договоренности об эвакуации Чехословацкого корпуса через Владивосток во Францию для продолжения

чехословацкими легионерами войны с немцами на Западном фронте. В условиях повсеместно разгоравшейся на просторах оседланной, но отнюдь еще не покоренной бандой Троцкого и Ленина России кровавой русско-советской войны запланированная эвакуация чехословацких добровольцев затянулась. В результате эшелоны с чехословацкими легионерами оказались рассредоточенными по большей части Транссибирской железной дороги.

Необходимо заметить, что в массе своей чехословацкие легионеры, ставшие многократными свидетелями кровавых эксцессов большевицкой революции, поругания русских воинских святынь, диких самосудов и жестоких расправ большевицких комиссаров и распропагандированной ими озверелой солдатни с русскими офицерами, а самое главное – убедившиеся в том, что казавшиеся им столь близкими к осуществлению надежды на победу Антанты над австро-германским военно-политическим блоком Центральных держав и обретение их родиной в результате этой победы, национальной независимости, оказались на неопределенный срок развеяны спровоцированным немцами развалом России руками большевиков, относились к последним, как к германской агентуре и не считали нужным скрывать свое презрение и ненависть к «красной сволочи». Они все более укреплялись в мысли, что вооруженная борьба с поработившим Россию большевизмом и победа над ним являются необходимым условием победы над австро-германцами и создания чехословацкого государства.

Весьма характерным в этой связи представляется, к примеру, текст написанной бесхитростным, но искренним языком заметки под названием «Венок на могилу», опубликованной в екатеринбургской газете «Зауральский край» 1 сентября 1918 года (уже после освобождения города белыми русскими и чехословацкими отрядами от красных):

"На Михайловском кладбище сегодня закладка памятника над могилами погибших чехословаков.

Оторванные от родины, среди незаконченных битв — они погибли, как герои, за честь и свободу своей родины — Чехии.

Чешские «соколы» высоко взвились над братской им Россией и подстреленные подрезали себе крылья.

Мир праху и слава героям!

В сегодняшний грустный день не забудем, граждане, что наша младшая сестра Чехия, родина Гуса и Жижки, ждет от великой России братской помощи за свое возрождение.

Чехия стонет под пятой вероломных Габсбургов. Она истекает кровью. Она ждет с востока русских.

Но русские придут в Чехию как освободители, только возродив свою родину — Россию.

И неудержимое стремление, неудержимый порыв к возрождению России, не забывайте этого, граждане, будет лучшим венком на воздвигаемый памятник.

Будет лучшей памятью погибшим...

Да здравствует Великая Россия!

Наздар! — Свободная Чехия!"

Словакия в заметке вовсе не упоминается. Но это так, к слову...

То и дело происходили стычки — пока что мелкие — между "голубыми чехами" и красногвардейцами. Ситуация, и без того крайне напряженная и взрывоопасная,, дополнительно усугублялась тем, что в рядах последних служило, наряду с китайцами и латышами, великое множество венгров, немцев и австрийцев — вчерашних военнопленных, которых большевики выпустили из лагерей, раздав им оружие, красные повязки, и отправили по градам и весям Великой России «во имя всемирного торжества идей пролетарской революции беспощадно расправляться с "контрреволюционными элементами". По условиям «похабного» Брестского мира, Центральным Держavam возвращались два миллиона пленных, взятых русскими войсками в 1914-1918 гг. на фронтах Великой войны. Но в действительности далеко не все из этих двух миллионов стремились вернуться «на родину» — то есть, на деле, в кровавую мясорубку мировой войны (Россия-то из нее вышла, а вот Центральные державы — еще нет).

А поскольку после капитуляции России в Брест-Литовске дома (в Германии, Австрии, Венгрии) никто уже не смог бы бросить этим не желавшим возвращения домой военнопленным немцам, венграм, австриякам и иже с ними упрека в предательстве и переходе на сторону врага, многие из германских и австро-венгерских военнопленных — например, хорват (?) Иосип Броз (Тито), будущий красный диктатор послевоенной Югославии, начали охотно вступать в «союзную» их странам «интернациональную» (а не русскую!) «пролетарскую» Красную армию, в органы ВЧК и советской власти.

Естественно, они выступали по отношению к русскому народу, в лучшем случае им совершенно чуждому, а чаще всего — ненавистному им (четыре года окопной войны против русских и пребывания в русском плену, естественно, никак не способствовали появлению или усилению любви этих немецких и мадьярских «пламенных интернационалистов» к России и русским!), в качестве идеальных карателей, особенно если учесть, что искали подобные «лазейки» далеко не лучшие представители своих народов. Некоторые из них при этом и впрямь заражались большевицкими идеями, другие же оставались простыми наемниками, «ландскнехтами революции», по выражению товарища Троцкого.

Уже 21 февраля 1918 года сотни выпущенных на свободу немецких военнопленных по призыву советского правительства «Социалистическое отечество в опасности!» вступили в новоиспеченную «рабоче-крестьянскую» Красную армию. Уже 26 января был сформирован первый немецкий Добровольческий отряд Красной армии, немедленно отправленный...отнюдь не на Запад, защищать "Отечество пролетариев всего мира" (вопреки Карлу Марксу и «раннему Ленину», у пролетариев вдруг появилось Отечество!) от «наглой агрессии германского милитаризма» (превратив тем самым, прямо по Ленину-Троцкому, "войну империалистическую в войну гражданскую, в войну против собственного правительства"), а...на Восток, против русского и православного казачьего атамана Дутова!

Впрочем, через год германским добровольцам в составе белой Русской Западной Добровольческой армии генерала князя Петра Михайловича Авалова (Бермондта) довелось скрестить штыки со своими «густо покрасневшими» соотечественниками из «Революционного матросского полка имени Карла Либкнехта» и на Западе, в Прибалтике. Однако подобное было скорее исключением, чем правилом. Искушенные маккиавеллисты, большевики проявляли в таких делах максимум осторожности и

посылали насильно мобилизованных ими донских казаков против поляков, а «красных поляков» — на расказачивание, ижорских мужиков — покорять Туркестан, а «красных башкир» — под Питер, против Юденича. Так или иначе, но в последующие недели большевики сформировали из германских военнопленных многочисленные отряды в Москве, Казани, Курске, Ташкенте, Самаре, Омске, Томске и в других городах. Германские «интернационалисты» сражались против истинных русских патриотов в войсках товарищей Фрунзе, Чапаева, Блюхера, Буденного и прочих «орлов революции» на всех фронтах Гражданской войны, "плечом к плечу со своими братьями по классу" местного разлива.

Был среди них, между прочим, и бывший военнопленный Роланд Фрейслер, вступивший, в период своей службы в Красной армии, в ряды Всероссийской Коммунистической партии (большевиков), затем комиссаривший на Украине, служивший в ГПУ, потом по линии Коминтерна вернувшийся в Германию готовить революцию и там, но в одночасье... перешедший в гитлеровскую НСДАП, ставший Президентом нацистского «Народного трибунала» ("Фольксгерихтсгофа"), осудившего на смерть германских офицеров и генералов, участвовавших в заговоре против Гитлера в 1944 году, и убитый американской бомбой во время налета авиации западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции на Берлин, где Гитлер проводил показательные судебные процессы над своими "врагами народа".

За годы Гражданской войны 1917-1922 годов в России через "школу" большевицких "Рабоче-Крестьянской Красной Армии" и "Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем" прошло не менее трехсот тысяч подобных "интернационалистов", плюс сорок тысяч печально прославившихся своей жестокостью даже на фоне всеобщего зверства, характерного для Гражданской войны, китайских наемников (которых еще царское правительство подрядало на тыловые работы, а большевики за высокую плату привлекли на службу). Попутно заметим, что большевицкими наемниками стало также немало эстонцев и «красных» латышских стрелков, которые не могли вернуться на оккупированную германцами родину. Поэтому латышские полки не разложились и не разбежались, подобно другим российским частям, а согласились служить большевицкому режиму за золото. Любопытно, что после взятия Красной "Армией Мировой Революции" Перекопа, последнего оплота Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля в Крыму в 1920 году, хор «красных» латышских стрелков пел отнюдь не "гимн пролетариев всего мира" — "Интернационал", а национальный латышский гимн "Dievs sveti Latviju" ("Боже, благослови Латвию"), являющийся по сей день государственным гимном Латышской республики (правда, уже не "советской", а "антисоветской")!

Так что костяком и наиболее боеспособными частями формирующейся «Рабоче-Крестьянской Красной Армии» стали отнюдь не представители патриотических сил России. Но это так, к слову. Для нас в данном случае важно, что legionеры-чехи не могли спокойно смотреть на немцев или австрийцев (объединявшихся ими под общей презрительной кличкой "швабов"), а legionеры-словаки — на венгров-мадьяр, щеголявших красными звездами, лентами и повязками, требовавших от них предъявления документов и сдачи оружия. Для них эти «швабы» и «мадьяры» оставались извечными угнетателями, веками державшими славян в самом жестоком рабстве (достаточно вспомнить яркие сцены постоянных "кулачных боев" между чехами и венграми в рядах австрийской армии в романе Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке и знаменитую фразу старого сапера Водички: "Говорил я тебе, ты еще мадьяр не знаешь!"). Подобные "теплые" чувства накаляли обстановку до предела.

До поры-до времени большевики вели себя по отношению к эвакуировавшимся чехословакам внешне вполне лояльно. Однако в планы германских «заказчиков» большевицкого переворота и вывода России из войны вовсе не входило спокойное наблюдение за переброской на Западный фронт десятков тысяч свежих бойцов, настроенных откровенно антиавстрийски, антивенгерски и антинемецки и не скрывавших своей преданности Антанте. Ленину и Троцкому был дан кивок из Берлина – и сразу же произошел вооруженный конфликт между красногвардейцами и "братьями-чехословаками" на железнодорожной станции Чита.

Организатор Красной армии и "Демон революции" Лев Давидович Троцкий под угрозой смертной казни потребовал от чехословацких легионеров немедленно разоружиться. Но произошло непредвиденное. Чехословацкий корпус, растянутый на огромном пространстве от Дальнего Востока до Поволжья, восстал поголовно. Руководство Антанты призвало чешское командование начать организованную борьбу с германскими союзниками-большевиками. И в результате, при действенной поддержке чехословаков, борцам русского антикоммунистического Сопротивления удалось сформировать правительства Комуча. Сразу же началось формирование антибольшевицкой армии под командованием чешского генерала Яна Сыровы (или, по-русски, Сырового).

На беду национальной России, русско-чехословацкое братство по оружию в борьбе с большевиками стало давать трещины и сбои по мере поступления в Россию сведений о начавшейся в Австро-Венгрии антигабсбургской революции. С этого момента "братья-чехословаки" стали с каждым днем все явственнее утрачивать интерес к русским делам, стремясь как можно скорее вернуться домой. Правда, первое время «чехов» еще сдерживали некоторые обязательства перед Верховным Правителем России адмиралом Колчаком, а главное – перед Антантой (тоже, впрочем, на глазах терявшей интерес к происходящему в России – особенно после военной капитуляции Центральных держав - в первую очередь, Германии).

Усугубляя все более неотвратимо приближающийся конец Колчака, стали массами покидать истекавший кровью под натиском красных Восточный фронт, захватив Транссибирскую магистраль, забив эшелоны награбленным русским добром (в частности – золотом Государственного банка), бросив тысячи бойцов Белой армии и русских беженцев на верную гибель от жестоких сибирских морозов и рук красных убийц, предав и выдав на расправу эсеровскому Иркутскому комитету Верховного Правителя России адмирала Колчака и совершив еще немало преступлений против доверившихся им русских людей.

После свержения советской власти в Поволжье в результате всенародного восстания, поддержанного частями Чехословацкого корпуса, поднявшими оружие против Советов после попытки большевиков, по указке своих германских «спонсоров» (или, говоря по-русски, «доброхотных дарителей» – кому как больше нравится!), разоружить известных своей непоколебимой преданностью Антанте "братьев-чехословаков", Каппель вступил в сформированной антикоммунистическими повстанцами Народной армии правительства Комуча (Комитета членов Учредительного собрания), совершив головокружительное восхождение по ступенькам военной карьеры, от командира 1-й Добровольческой Самарской дружины до звания Командующего действующими войсками всей Армии Комуча.

Сформированное в Поволжье правительство Комуча, рассматривавшее себя в качестве законного правопреемника всероссийского Учредительного собрания, разогнанного в начале 1918 года большевицкими штыками (в историю вошли печально знаменитые слова

командовавшего разгоном «матроса-партизана» Железняк: "Караул устал! Все расходитесь по домам!" и последовавший на следующий день после разгона Учредительного собрания, презрительно именовавшегося большевиками "Учредилкой", расстрел "ландскнехтами революции" мирной демонстрации в защиту "Учредилки" в Петрограде; кстати, «матрос Железняк», вопреки утверждениям советских лже-историков, был не большевиком, а "анархистом-коммунистом", но сути дела это не меняло).

По своему составу пришедшее в июне 1918 года к власти Поволжья с помощью чехословацких легионеров правительство Комуча было эсеров-меньшевицким и потому особых симпатий у беспартийного монархиста Каппеля не вызывало. И взаимопонимания с руководством Комуча у Каппеля не было. В правительстве Комуча сидели эсеры, а для русского офицера-монархиста разница между эсером и большевиком была невелика (в дальнейшем правильность подобных взглядов была доказана трагической судьбой Верховного правителя России адмирала Колчака, преданного и убитого как раз эсерами). Тем не менее, Каппель, считая большевиков злом, несравненно и неизмеримо большим для России, служил Комучу честно и не раз отличался в боях с частями Красной армии в Поволжье.

Несмотря на то, что Каппель, находясь на Гражданской войне, уже давно вышел из юнкерского возраста, в душе он оставался настоящим юнкером – не в смысле легкомысленности, а в смысле юношеского максимализма в отношении всего, что касалось Родины, Чести и Совести. Он проявлял благородство и по отношению к противнику, отпуская по домам всех пленных (не изъявлявших желанию вступить в ряды его войск). Каппель никогда не допускал никаких реквизиций и бесчинств по отношению к мирным жителям, напоминая своим добровольцам суворовскую заповедь: «С бабами и детьми не воюй». Это, кстати, соответствовало и распоряжениям по армии, отдававшимся адмиралом Колчаком, но в войсках Каппеля их соблюдали особенно неукоснительно.

При этом у Каппеля был несомненный военный талант. В армии Комуча в Поволжье он возглавлял сводный Ударный отряд из ветеранов-окопников, кавалеристов и двух артиллерийских батарей. С Волги отряд Каппеля поддерживала небольшая речная флотилия. Этот «летучий отряд» Владимира Каппеля был организован по типу партизанского отряда Дениса Давыдова времен Отечественной войны с Наполеоном 1812 года. Каппель внезапным налетом (преимущественно ночным) ошеломял противника, громил его превосходящие силы (превосходство красных достигало обычно двадцати-, а то и тридцатикратного размера) и всегда добивался невероятных успехов.

Так, в ночь с 6 на 7 августа 1918 года "летучий отряд" Каппеля внезапной атакой (одновременно с суши и с Волги) выбил из Казани два полка красных латышских стрелков (отнюдь не новобранцев, а выдавших виды ветеранов-окопников Великой войны) и захватил хранившуюся в Казани половину золотого запаса Российской Империи! Часть этого золотого запаса была израсходована правительством адмирала Колчака на закупку вооружений и военного имущества в Японии; другую – большую – часть адмирал хранил в неприкосновенности, пока она не была частично захвачена чехословаками, а частично, по некоторым сведениям, укрыта в надежном месте генералом бароном Романом Федоровичем фон Унгерн-Штернбергом).

Однажды Каппель во время глубокого рейда по тылам красных, окружил самого "Демона революции" – наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, но тот успел сбежать на бронепоезде. А в другой раз, чуть раньше, каппелевцы едва не захватили штаб красного главкома Восточного фронта Иоахима (Юкумса) Вацетиса. Начиная с осени 1918 года, В.О. Каппель в войсках Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака, уже в чине

генерал-майора, командовал 1-м Волжским армейским Корпусом, а затем – войсковой группой в ходе Челябинской военной операции. В 1919 году Каппель командовал 3-й армией и, повышенный в чине до генерал-лейтенанта, являлся последним Главнокомандующим колчаковским Восточным фронтом.

После освобождения Казани от красных Каппель со своим Волжским корпусом собирался, не давая красным передышки, идти на Москву. Момент был удачный, но начальство его удержало. Впрочем, планы идти на освобождение Москвы через Нижний Новгород были не только у Каппеля. Но белое командование не было уверено, что для достижения задуманного хватит имевшихся в наличии сил. К тому же армия, которой располагал Комуч, являлась достаточно разношерстной по своему составу. Пожалуй, наиболее способным ее соединением являлась бригада (корпус) Каппеля. Поэтому «каппелевцами» приходилось, грубо говоря, затыкать бреши в фронте, отбрасывая наседавших красных.

Красная армия к тому времени начала становиться все более организованной. Троцкий и другие командиры усиленно привлекали в ряды «воинства мировой революции» усердно истребляемых большевиками всего несколькими месяцами ранее «старорежимных» военспецов-«золотопогонников» и укрепляли дисциплину в своей армии (число дезертиров из рядов которой постоянно превосходило число бойцов всех противостоявших красным армий – не только собственно "белых"! – вместе взятых!) самыми драконовскими методами. Например, проводили децимации – расстреливали каждого десятого красноармейца в отступившем полку, батальоне или роте.

Долгие годы представления громадного большинства "подсоветских" людей о Каппеле и каппелевцах ограничивались в основном посвященными "каппелевцам" кадрами "культового" советского фильма "братьев" Васильевых "Чапаев", снятого в 1934 году. А из этих кадров им больше всего запомнились запечатлевшие надвигающуюся на Анку-пулеметчицу (между прочим, чапаевская пулеметчица Анна Бельц — существовала в действительности) "психическую атаку" якобы «каппелевцев» — мрачных "биороботов" в зловещей черной форме с белыми погонами и аксельбантами (некоторым, особенно впечатлительным, зрителям они казались «как будто скелетами» – это впечатление усугублялось белыми перекрещенными костями и черепом, весело скалящимся с черного "каппелевского" знамени, украшенного "контрреволюционной" надписью "С нами Бог!" — совсем как на бляхах поясных ремней солдат "фашистского" вермахта! — и увенчанного Православным Крестом, являвшимся, в глазах тогдашних коммунистов, не менее враждебным символом, чем "Адамова голова").

Сам Владимир Каппель оставался в фильме "братьев" Васильевых как бы «за кадром», Однако, в качестве некоего олицетворения "каппелевского офицера", перед советским зрителем предстал молоденький поручик со стеклом в руке и сигаркой в зубах, красиво "идущий умирать" перед своим черным строем (возможно, "одурманенный кокаином, чтобы не бояться метких красных пуль"). Полюбуйтесь, товарищи – вот они, как красиво идут — "тиллигенция", "обломки империи", "пауки", "эксплуататоры трудового народа", "гады" (и прочие эпитеты, которыми награждал румынских пограничников "великий комбинатор" Остап Ибрагимович Бендер в заключительных абзацах романа Ильфа и Петрова "Золотой теленок").

Единственным основанием этого экранного "маскарада" служил тот факт, что исторический В.О. Каппель был запечатлен на нескольких фотографиях в военной форме черного цвета (но безо всяких черепов и "скелетообразных" атрибутов). И зная у Каппеля было не черное, с черепом и костями, а вовсе даже белое, с трехцветным русским

бело-сине-красным крыжем и надписью черными буквами "ВОЛЖАНЕ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ". А его значок как Главнокомандующего всеми войсками Восточного фронта состоял наполовину из белого, с косым синим крестом, Андреевского флага, а наполовину — из трехцветного бело-сине-красного государственного флага России.

Правда, в Сибирской армии адмирала Колчака встречались черные знамена с белой "Адамовой головой", но Каппель и каппелевцы не имели к этому никакого отношения. Белые череп и кости украшали, например, боевые знамена Штурмовой бригады (имени) полковника Пепеляева и Партизанской атамана Анненкова дивизии. Вообще же в период Гражданской войны 1917-1922 годов в России под черно-красным знаменем с белой "Адамовой головой" бились с врагами России корниловские ударные части, сражавшиеся не на Восточном, а на Южном фронте.

Черно-красен наш стяг — видит Бог!
Значит, нынче с зарею вечерней
Влепим свой мы предсмертный плевок
В морду красной взбесившейся черни.

Вопреки фантазиям большевистских «добрых сказочников», в действительности, войска Владимира Каппеля являлись, по своему составу, отнюдь не дворянско-буржуазно-"тиллигентскими", а самыми что ни на есть рабоче-крестьянскими. Сказанное, кстати, относится и во всей армии адмирала Колчака в целом. В ней постоянно ощущался хронический недостаток офицерского состава. Верховный Правитель постоянно обращался к формально подчиненному ему Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу А.И. Деникину (в армии которого, наоборот, ощущался явный переизбыток "золотопогонников", так что из офицеров состояли целые роты, батальоны и полки и застывшие в суровом солдатском строю седоусые полковники были в порядке вещей) с просьбой помочь сибирякам офицерами. Но призывы Колчака оставались, как правило, без ответа.

Именно по причине огромной популярности Каппеля не только в армии, но и в рабоче-крестьянской (причем в первую очередь — рабочей!) среде его образ так усердно демонизировался советской пропагандой. С ноября 1918 года под началом Владимира Оскаровича в Волжском (позднее — Сибирском) корпусе воевали целых две дивизии (!) «белых пролетарских добровольцев» — рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Еще в августе 1918 года рабочие — ижевцы и воткинцы —, все как один, не желая долее мириться с красной кабалой, подняли вооруженное восстание против большевиков и стойко держали фронт против них, а затем прорвались к белым, вместе с женами и детьми. Они оставались с Каппелем до конца, проделали весь сибирский Ледяной поход, а затем вместе с остатками белых войск ушли за границу — побежденные, но не покоренные.

Именно эти "пролетарии-белогвардейцы" — ижевцы и воткинцы — не раз ходили в атаку на большевиков со штыками наперевес, без единого выстрела. Но не ради психического воздействия на противника, а по гораздо более прозаической причине нехватки патронов. Поэтому подобные атаки именовались их участниками и очевидцами не «психическими», а "беспатронными". Нередко ижевцы и воткинцы ходили в атаку на красных манкуртов под звуки гармоники и пение «Варшавянки», развернув красно-зеленые знамена, забросив бесполезные (ввиду отсутствия боеприпасов) винтовки за плечо, с засапожными ножами в руках (за это красные, да и свои, прозвали их "поножовцами"). Казалось, в лице этих новых святорусских витязей воскресли древнерусские воины из «Слова о полку Игореве», которые

"...вытащив ножи из голенища,
Шли отмстить за наши пепелища"...

Поскольку эти каппелевцы-"пролетарии" никоим образом не вписывались в теорию классовой борьбы товарищей Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, они всегда оставались "бельмом в глазу" советской власти, которая именно по этой причине из кожи вон лезла, пытаясь (как выясняется теперь, не без успеха) внедрить в народное сознание образ Каппеля и каппелевцев, как "врагов народа", якобы "классово чуждых" всем "простым советским людям", что должен был демонстрировать весь их "глубоко антинародный", "фашистский" внешний вид (не только в "самом важном для нас искусстве — кино", но даже в советском учебнике для 4-го класса средней общеобразовательной школы "Рассказы по истории СССР" нашлось место описанию смертельной схватки доблестных красных героев-чапаевцев с каппелевскими "офицерскими частями", наступавшими со штыками наперевес, под барабанный бой, "в черных мундирах, с крестами на груди" (этих деталей, запомнившихся с раннего детства, я, пожалуй, вовек не забуду)...

Но при этом "братья" Васильевы — вероятно, сознательно (или бессознательно) стремясь воссоздать на экране некий собирательный образ, или, если говорить точнее, некий «архетип» белогвардейца, нарядили своих "кинокаппелевцев", осененных ими анненковским знаменем с "Адамовой головой", что называется, с миру по нитке: в белые с черным околышем марковские фуражки, черные, с белыми кантами, аксельбантами и выпушками марковские (или корниловские) мундиры, черно-белые марковские погоны, черные, с белыми православными крестами, нарукавные щитки Дружин Святого Креста (сражавшихся в рядах армии Колчака), подшитые кожей защитные кавалерийские рейтузы...чтобы никому из отборных "цветных" белых частей обидно не было!

4. "Мертвая голова" и черный цвет мундиров

Скажем, кстати, несколько слов по поводу самой эмблемы "череп и кости", одного из древнейших символов в истории человечества, носящего, тем не менее, в глазах многих наших соотечественников и современников, дезориентированных злонамеренной пропагандой или же попросту страдающих от недостатка элементарных знаний, достаточно одиозный и зловещий характер. В 1999 году, в преддверии "Миллениума", в смоленском издательстве "Русич", в серии "Мир в войнах", вышел перевод книги английского автора Г. Уильямсона "СС — инструмент террора".

Уважаемый автор предисловия к русскому изданию книги об "ордене под мёртвой головой", М. Рабинович, счел необходимым подчеркнуть: "Кошмарный сон оборачивается явью: юнцы и пенсионеры в...форме, украшенной самым зловещим из символов, известных в истории, снова маршируют и в Центральной Европе, и в Прибалтике, и — верить ли своим глазам? — в России". Между тем, символ "мёртвой головы", то есть "череп и кости", несравненно более древний, чем СС и чем породивший эти самые СС германский национал-социализм, отнюдь не является каким-то исключительным изобретением разработчиков нацистской и протонацистской символики.

Стоит вспомнить еще раз уже приводившийся выше пример из сравнительно недавнего прошлого, ставший почти хрестоматийным. В бесчисленном множестве мемуаров советских времен ушедшие на покой участники Гражданской войны в Испании вспоминали одно и то же. Вот испанским республиканцам демонстрируют «культовый» советский фильм «Чапаев» производства "братьев" Васильевых.. Наступает кульминационная сцена — "психическая атака" русских белых офицеров-"ударников" под чёрным знаменем с белым черепом и костями — и вот заполнившие кинозал испанские

республиканцы начинают с криками: "Фашисты!" палить в экран изо всех стволов. Совершенно ясно, что для советского и – шире – большевицкого и вообще "левого" сознания той далёкой эпохи "череп и кости" однозначно символизировали абсолютное зло.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что советское сознание невольно (или вольно) ассоциировало русских "фашистов"-белогвардейцев с немецкими «фашистами»-эсэсовцами. Общий стиль распознавался сразу, пусть даже на подсознательном уровне. Как сейчас помню эпизод из купленной мне родителями в далеком детстве в Феодосии книжки "Витя Коробков, пионер-партизан" (фамилию автора, к сожалению, память не сохранила), где описывалось, как из немецкой автомашины «выскочил долговязый офицер с черепом на рукаве. "Эсэсовцы!" — пронеслось в мозгу у Вити..." — хотя в действительности череп на рукаве носили русские корниловцы, пепеляевцы, анненковцы и прочие "ударники чапаевских времен", эсэсовцы же (кроме чинов частей "Мертвая голова", охранявших концентрационные лагеря), носили череп на головных уборах, на рукаве же – не череп, а орла со свастикой-коловратом в когтях.

Со временем дело зашло так далеко, что в книге очерков по истории России (для иностранцев) "Истоки истории" (Москва, Высшая школа, 1989 г.), вышедшей из-под пера ныне покойного маститого советского историка профессора Н.Н. Яковлева (того самого, которому ныне покойный академик А.Д. Сахаров прилюдно влил пощёчину за нелестные отзывы о своей жене в другой книге того же профессора, "ЦРУ против СССР"), даже тевтонские рыцари (!) в битве на Чудском озере (в 1242 году!) выступают под «чёрным знаменем с белым черепом и костями» (когда я в первый раз прочитал эту вопиющую чушь, то глазам своим не поверил, но, как говорится, "бумага все стерпит")! Настолько символ черепа с костями в эпоху "развитого социализма" стал ассоциироваться в советском сознании с чем-то изначально враждебным и чуждым, став своего рода "антисимволом".

Между тем, череп и кости, как наиболее стойко противостоящая тлению, то есть разложению, и в наименьшей степени поддающаяся разрушению органическая ткань, в большинстве древних культур издавна символизировали способность к телесному возрождению, жизненную энергию и силу духа, отнюдь не являясь, вопреки широко распространенному заблуждению, символом устрашения, разрушения и смерти. Этот мрачный смысл вкладывался в него, как мы увидим далее, только анархистами и большевиками в период Октябрьского переворота, последующего периода "красного террора" и Гражданской войны 1917-1922 годов в России.

Не случайно большевицкий литератор Артём Весёлый (в период сталинской "Большой Чистки" сам попавший под "Красное колесо", которое так усердно помогал крутить в кровавые годы российской Смуты!) живописуя революционный разгул в своём романе-хронике "Россия, кровью умытая" (ценном своей фотографической точностью, подобно другим написанным в период между двумя великими войнами хроникам большевизанов от литературы и писателей-попутчиков, бывших очевидцами того, о чем писали - "Железному потоку" Александра Серафимовича, "Разгрому" и "Мятежу" Александра Фалеева, "Чапаеву" Дмитрия Фурманова, не испытывавших особой "стеснительности" - чего там стесняться, да и перед кем - скоро мы водрузим над Землею красное знамя труда нашей коммунистической Земшарной Республики Советов!), писал: "В станицу отряд входил под черным знаменем, на котором светлыми шелками были вытканы скрещенные кости, череп, восходящее – похожее на петушиный гребешок – солнце и большими глазастыми буквами грозные слова: СПАСЕНЬЯ НЕТ. КАПИТАЛ ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ".

Символ "череп и кости" пользовался широчайшим распространением как раз в России со времен крещения древней Руси Святым Равноапостольным князем Владимиром, если не раньше. В этом проще простого убедиться, зайдя в любой христианский храм (причём даже не обязательно в православную церковь — западные летописцы засвидетельствовали существование в 1176 году в Иерусалиме духовно-рыцарского Ордена Благой Смерти, члены которого носили поверх доспехов чёрные плащи с белым черепом и костями на правом плече!), где, рассмотрев повнимательнее изображения на Распятии, мы почти всегда увидим в основании Голгофского креста этот самый «зловещий» символ — череп и кости.

Дело в том, что, по христианскому Священному преданию, место для распятия Спасителя было промыслом Божиим выбрано как раз там, где покоились бранные останки, то есть череп и кости, прародителя рода человеческого — Адама. Поэтому Голгофа (в переводе с арамейского языка — "Лысый череп") именуется еще Краниевским (в переводе с греческого буквально «черепным»), или Лобным, местом. По легенде, кровь и вода, истекшие из ребра распятого Христа — "нового Адама" — прободённого копьем римского сотника Лонгина, с целью убедиться в смерти осуждённого на крестную муку, пролившиеся на кости «ветхого Адама», чудесным образом омыли его от грехов, что явилось символическим прообразом последовавшего вслед за тем в течение трёх дней — с пятницы до воскресенья — сошествия Христа во ад, с целью вывести оттуда в рай ветхозаветных праведников, начиная с Праотца Адама.

Поэтому череп и кости, именуемые именно на Руси издревле "Адамова голова", вошли в христианскую и, в том числе, православную религиозную символику как знак жертвенной смерти во имя грядущего спасения через воскресение к вечной жизни. Вот почему "Адамова голова" украшает не только распятия в христианских храмах — своеобразные «модели Голгофы» — но и нательные кресты, и облачения схимников — монахов, принявших сугубый постриг, как бы «заживо легших в гроб», дабы возродиться из него к жизни вечной.

Когда объединённые дружины Святого Благоверного Великого князя Московского Дмитрия Ивановича, за свою великую победу в 1380 году прозванного Донским, вышли на бой с Ордой на Куликово поле, начало сражению положил поединок ордынского богатыря Челубея с иноком Свято-Троицкого монастыря Александром (Пересветом), на которого сам Святой Преподобный Сергей Радонежский надел перед походом схиму...разумеется, украшенную, как и полагалось, образом Голгофского креста с "Адамовой головой" — черепом и костями! Инок Пересвет погиб, но поразил и нехристя, упав на него сверху, чем засвидетельствовал свою победу и вселил веру в победу в сердца всех русских ратников. Так всецело оправдался символический смысл эмблемы "черепа и костей", вкладываемый в неё христианами, причем не только русскими: "Смертью смерть поправ!".

На протяжении человеческой истории эмблема «мёртвой головы» использовалась в британских, французских, финских, болгарских, венгерских, австрийских, итальянских и польских войсках, преимущественно в кавалерии, авиации, огнемётных, штурмовых и танковых частях, в частях особого назначения армии США и т.д. В германских государствах Пруссии и Брауншвейге издавна существовали кавалерийские и пехотные части с эмблемами в виде черепа и костей на головных уборах. С середины XVIII века символика смерти стала особенно популярной в армиях стран Западной Европы. Романтическая мода того времени диктовала армии необходимость добавлять к привычной символике и военным атрибутам еще и череп над скрещёнными костями в

сочетании с чёрным, красным и белым цветами отделки мундиров.

Тем самым, кстати, была заложена основа позднейших русских и германских "ударных частей" — например, упомянутых выше корниловцев (имевших чёрно-красные фуражки с серебряным черепом и костями, чёрные мундиры с белыми кантами, чёрно-красные погоны с серебряной "мёртвой головой" и белыми выпушками, нашивку с черепом и костями на плече, серебряные кольца с черепом (возможно, прообраз эсэсовского "тотенкопфринга")), чёрно-красное знамя с белым черепом и костями — и гитлеровских эсэсовцев, фактически перенявших у корниловских ударников их символику "смерти-бессмертия" и чёрно-бело-красную цветовую гамму.

Первыми подобную «зловещую» (по мнению многих) форму при Фридрихе Великом в середине XVIII века надели прусские "гусары с мертвой головой", или "мертвоголовые гусары" (Totenkopfhüsaren). Хотя насчёт эпитета "зловещий" применительно к чёрной военной форме, как раз нам, русским людям (или, по крайней мере, тем из нас, кто еще не утратил историческую память!), есть что возразить! Чёрный — цвет литургических облачений православных священнослужителей на Пасху Страстей Христовых.

В лютую стужу в феврале 1918 года на Дону путь красным бандам под Новочеркасском преградили подростки-кадеты, многие — всего двенадцати лет от роду, ростом ниже своих трехлинейных винтовок, коротко стриженные, в черных мундирчиках — и погибли, но не сдались красному зверю! Интересно, кому из честных русских патриотов покажется зловещим чёрный цвет мундиров этих юных мучеников, отстаивавших честь России!?

Что же касается прусских "гусар с мертвой головой", то их форма состояла из чёрных чикчир, доломана и ментика и чёрной же шапки-мирлитона (Fluegelmuetze) с серебряными черепом и костями, символизировавшими мистическое единство войны и смерти на поле битвы. Чуть позднее в Пруссии же появился 2-й гусарский полк, чины которого носили форму со сходной символикой — полк "гусар смерти" (Todeshüsaren), символикой которых стала не просто "мёртвая голова", а "сама Смерть в образе лежащего скелета с песочными часами и косой". Столь изощренная «символика смерти» явилась тогда в европейских армиях впервые.

Примерно в то же время символика "смерти-бессмертия" появилась в британской армии, а именно — в 17-м уланском полку, в память о генерале Вольфе, убитом в войне с французами в Квебеке в 1759 году. В 1855 году, после самоубийственной атаки британской легкоконной бригады в Крыму под Балаклавой, истреблённой огнём русской пехоты и артиллерии (и потому именуемой в британских военных анналах "атакой в долине Смерти"), эмблема "мёртвой головы" получила дополнительное звучание. Череп и кости были наложены на скрещенные уланские пики, опирающиеся на ленту с надписью "OR GLORY" — то есть "(СМЕРТЬ) ИЛИ СЛАВА" (через некоторое время пики были с эмблемы удалены, но череп и кости остались). После слияния 17-го полка с 21-м уланским в 1922 году эмблема сохранилась прежней. В 1993 году 17-й/21-й уланский полк был слит с 16-м/5-м Собственным Ее Величества Королевы уланским полком в Королевский Ее Величества Королевы уланский полк. Символика «смерти-бессмертия» сохранилась в полку по сей день.

В период Сербо-турецкой войне 1876 года русско-черногорский "Легион смерти" под командованием поручика Кириллова сражался под чёрным знаменем с белым черепом и костями (с тех пор это "знамя смерти" использовали сербские партизаны-четники, в том числе в годы Второй мировой войны и междоусобных войн, ведшихся на территории бывшей СФРЮ в конце 90-х годов XX века).

Боровшийся против французских захватчиков вплоть до битвы при Ватерлоо в 1815 году "Чёрный легион" герцога Брауншвейгского имел в качестве эмблемы опять-таки "Адамову голову" (от которой и ведёт свое происхождение упоминавшийся выше череп с костями "брауншвейгского типа"). "Мёртвая голова" была эмблемой "гусар смерти" (hussards de la mort) французской революционной армии и в то же время — "гусар смерти" из числа французских эмигрантов-роялистов, боровшихся против революционного режима, в том числе в рядах российских войск, что, несомненно, повлияло, например, и на символику русского 5-го гусарского Александрийского полка ("чёрных" или "бессмертных" гусар, как их называли).

Впервые же символика "смерти-бессмертия" была засвидетельствована в Русской Императорской армии во время Отечественной войны 1812 года в одном из конных полков Петербургского ополчения, называвшемся "Смертоносным" или "Бессмертным" полком. На головных уборах чинов этой ополченской военной части крепился серебряный череп над скрещенными костями. И опять-таки, как следует из самого названия полка, необходимо рассматривать эту символику (во всяком случае, применительно к русским войскам) не столько как символику смерти, сколько как символику бессмертия.

В ходе Освободительных заграничных походов 1813-1814 годов русским воинам приходилось сражаться против Наполеона I бок о бок с пруссаками. Один из регулярных полков русской кавалерии — Александрийский гусарский — именно начиная с этого времени начал использовать, хотя поначалу и неофициально, символику "смерти-бессмертия". Известен эпизод, когда прусский фельдмаршал Гебгард-Леберехт фон Блюхер, перепутав в пороховом дыму сражения из-за сходства формы русских "чёрных" гусар-александрийцев с прусскими "чёрными" лейб-гусарами подъехал к «александрийцам» и приветствовал их, как "гусар смерти".

На это командир "александрийцев" князь Мадатов ответил Блюхеру, что они — не "гусары смерти", а "бессмертные гусары". С тех пор "череп и кости" использовались "александрийцами" везде, где только было возможно — вплоть до посуды в Офицерском собрании и фонарей в виде черепов на нем же. Впрочем, официально знак на головных уборах в виде черепа и костей был установлен для "александрийцев" Государем Императором Николаем II лишь в начале XX века.

С тех пор череп и кости украшали меховые шапки и нагрудные полковые знаки "александрийцев" на "законных" основаниях. 1-й эскадрон Ея Величества 5-го гусарского Александрийского полка имел значок "весь чёрный с серебряной Адамовой головой (полковой эмблемой), с рамкой из серебряного гусарского галуна"; 2-й эскадрон — значок "весь чёрный, с серебряной Адамовой головой". "Череп и кости" украшали также тульи фуражек чинов 4-го гусарского Мариупольского полка и чёрный значок 17-го Донского ("Баклановского") казачьего полка.

Характерно, что на этом вышитом руками православных монахинь "знамени генерала Бакланова", героя покорения Кавказа, череп и кости были обрамлены девизом, представляющим собой не что иное, как заключительные слова христианского Символа Веры: "Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь".

Именно такой смысл вкладывало в эмблему "мёртвой головы" православное христолюбивое российское воинство, так что правомерность использования "череп и костей" в русской военной символике никого из тогдашних ревнителей Православия не смущало — в отличие от иных нынешних (в огромном большинстве своем при советской

власти в Божью Церковь не ходивших, лба не крестивших, да, может, и в Бога-то не веривших!), всюду склонных усматривать происки вездесущих "детей вдовы", а, попросту говоря — масонов, всегда и везде только и думавших, по мнению многих доморощенных конспирологов, как бы навредить России.

Несомненно, "мёртвая голова" встречается (как, впрочем, все мыслимые и немыслимые символы самых разных религий) и в масонской символике тоже. Правда, у масонов она чаще символизирует голову мифического архитектора Соломонова храма — Адонирама (или Хирама Абифа) и "слово (пароль) мастера" вольных каменщиков "мак бенак" (якобы означающее — на неизвестном языке! — «плоть отделилась от костей»). Однако сегодня вряд ли стоит «стричь» всех масонов «под одну гребенку» и густо мазать всех их только черной краской. Само по себе франкмасонство ("вольное каменничество") представляет собой настолько сложное идейное течение, возникшее, может быть, и не в библейские (как то утверждают многие масонские идеологи), но, во всяком случае, в достаточно «допотопные» времена из смеси языческого и (псевдо)христианского гностицизма, иудаизма, оккультизма, а частично и атеизма, что к нему просто невозможно подходить с единой меркой во все эпохи и во всех странах мира.

Во всяком случае, в XVII-XVIII веках франкмасонство скрывало свою подлинную цель — "демократизацию" всего мира, а по сути дела — уничтожение, под разными благовидными предложениями, традиционной христианской монархической государственности руками самих же христиан (впервые эта цель была вполне достигнута в ходе разразившейся в 1789 году Французской революции). Выступая (пусть больше на словах, чем на деле) за "улучшение нравов непросвещенного человечества", масонство часто привлекало в свои "орден" (ложи) склонных к мистицизму видных представителей военной, политической, культурной, научной, музыкальной и философской элиты — скажем, Моцарта, Гете, Новикова, Бортнянского, Баженова, Карамзина и Пушкина — не посвящая их при этом в тайны высших "градусов" (иначе: "степеней") масонской организации.

Можно по-разному относиться к масонству разных стран, народов и эпох, но фактом является то, что многие "масонские" (а точнее, воспринятые и "творчески переработанные" масонством) идеи, традиции и символы настолько прочно легли в основание современной европейской, и не только европейской, но и общемировой культуры и цивилизации, что стали ее неотъемлемой частью. Хотим мы того или не хотим, но если попытаться мысленно "вынуть" из ее фундамента все те элементы, которые являются или кажутся кому-то "масонскими" или "заимствованными у масонов", то неминуемо рухнет все европейское здание.

А ведь Россия — не остров в океане, а часть Европы (прежде всего!), и уж потом только — Азии (что бы ни думала по этому поводу "евразийская молодежь" в век нынешний и в век минувший)! Такой она стала, по крайней мере, со времен превращения ее в Российскую Империю при Петре Великом (хотя уже Царь Иван Васильевич Грозный, по свидетельству английского посла Джерома Горсея, считал себя отнюдь не "азиатом", а "немцем").

Отнюдь не случайным, в свете вышеизложенного, представляется внешнее сходство знака учрежденного Петром Великим (которого не зря так часто изображали в фартуке и с молотом в руках) высшего ордена Российской Империи — ордена Святого Андрея Первозванного — со знаком одноименного масонского ордена, сходство Государственного герба России — унаследованного от византийских Палеологов "двуглавого орла" — с двуглавым орлом степени "рыцарь Кадош" так называемого "шотландского масонства", и многое другое. Масонами были отнюдь не одни декабристы, а почти что все российские

государственные деятели и полководцы, включая генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, Александра Христофоровича Бенкендорфа и многих других видных деятелей отечественной истории. Естественно, многие символы, привычные им по "работам", то есть общению, в ложах, в том числе и "Адамова голова", гармонично переходили в русскую воинскую символику. Другое дело, что разными людьми в одни и те же символы нередко вкладывался совершенно различный смысл.

В период разразившейся 1 августа 1914 года Второй Отечественной войны особой популярностью эмблема "Адамовой головы" пользовалась в молодой, но уже прославившей себя многочисленными подвигами русской военной авиации. Было принято решение установить, в качестве дополнительной награды, или знака отличия, для лётчиков, сбивавших вражеские аэропланы, георгиевскую планку, на которой черепами со скрещенными костями отмечать число уничтоженных самолетов: золотыми черепами – десятки, серебряными черепами – единицы. Многие из подобных проектов воплотились в жизнь, сохранились подобные знаки, равно как и другие, в форме "мёртвой головы", наложенной на пропеллер самолета.

После Февральского переворота 1917 года бездарная (если не прямо предательская) политика Временного правительства (отмена смертной казни за воинские преступления, отдания чести, чинопочитания, назначение на фронт комиссаров и прочие благоглупости) привела к тому, что русская армия, дотоле спаянная железной дисциплиной и верностью Государю Императору, стала «расползаться по всем швам».

В безуспешных попытках избежать военной катастрофы Временным правительством начали создаваться "ударные части", "части смерти", "революционные батальоны" и даже "отряды добровольцев из увечных воинов" (для награждения которых летом 1917 года был даже учрежден особый знак в виде черепа с костями на чёрно-красной ленте!), призванные своим примером воодушевить остальные, менее стойкие войска, усердно разлагавшиеся (на немецкие денежки) красными агитаторами, и тем самым удержать фронт от распада.

Наибольшей известности среди них достигли, пожалуй, "Корниловский ударный отряд" (в ходе Гражданской войны выросший до размеров дивизии и послуживший костяком белой Добровольческой Армии – позднее "Вооруженных Сил Юга России") и "Женская боевая команда (позднее – батальон) смерти" Марии Бочкарёвой, защищавшая от большевиков Зимний дворец в октябре 1917 года. Но было сформировано и немало других аналогичных частей, не менее самоотверженно дравшихся за честь и славу исторической России на полях гражданской войны.

В их символике – на погонах, фуражках, папахах, жетонах и нарукавных щитках, наградах, знаменах, перстнях и нагрудных знаках корниловцев, анненковцев, дроздовцев, бойцов Западной Добровольческой армии генерала князя Авалова (Бермондта), отрядов атамана Булак-Балаховича, донских казаков-гундоровцев, Железной бригады Чехословацкого Корпуса, ударников генерала Гайды, Сибирской штурмовой бригады (имени) полковника Пепеляева и многих других непременно присутствовала "мёртвая голова" — как символ смерти и воскресения, причем та же самая идея нередко выражалась и чёрно-белой цветовой «схимнической» гаммой военной формы белогвардейских частей.

Как бы подчёркивая этот свой "крестоносно-монашеский" характер, русские белые воины нередко использовали в своей символике белый православный или мальтийский

"кавалерский" ("рыцарский") крест, а марковцы даже носили на поясе чёрные чётки-лестовки – нисколько не опасаясь соседства христианской символики с "черепом и костями").

И православные иереи служили молебны и благословляли их на правый бой, совершенно не смущаясь присутствием "зловещего символа".

Последними, кто, продолжая традицию Якова Петровича Бакланова, носил "череп и кости" на полях сражений (правда, уже Второй мировой войны, которая воспринималась ими, прежде всего, как продолжение войны гражданской), были «белые казаки» 1-й Казачьей Кавалерийской дивизии, позднее XV (XIV) Казачьего Кавалерийского Корпуса генерала Гельмута фон Панвица и многих других казачьих частей и подразделений в составе германского вермахта, а позднее – и Ваффен-СС.

А вот советские большевики в период гражданской войны в России вкладывали в символ "черепа и костей" действительно убийственно-зловещий смысл. Любопытно, что боснийский гимназист-масон Гаврила Принцип, чей провокационный выстрел в австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда 1 августа 1914 года в Сараево вызвал четырёхлетнюю мировую кровавую бойню и привел к крушению четырёх крупнейших империй – и, прежде всего – Российской – был членом террористической организации "Чёрная рука", эмблемой которой также служили череп и кости.

После выстрелов в Ульянова-Ленина осенью 1918 года (до сих пор неизвестно кем произведенных) большевицкая ЧК развязала невиданный по жестокости "красный террор" против всех патриотов России и просто честных русских людей...под знаком черепа с костями (сохранилась фотография демонстрации петроградских чекистов под лозунгом: "Смерть буржуазии и ее прихвостням, да здравствует красный террор!").

Описывая попытки одесского чекиста вербовать пленных офицеров на советскую службу, старшина Украинской Галицийской Армии Ярич-Запильский подчеркивал: "...У него на отвороте тужурки золотой человеческий череп с двумя костями. Это – знак чрезвычайки". Пьяная матросня, по выражению большевицкого барда Владимира Маяковского, «прикладками гнавшая седых адмиралов» в море "с моста в Гельсингфорсе", творила свои злодеяния под стягом с черепом и костями со сходной надписью "Смерть буржуям".

На знамени «анархо-коммунистов» большевицкого союзника "батьки" Махно, сорвавшего освободительный деникинский поход на Москву, красовались также "мёртвая голова" и надпись на введенной незадолго перед тем — причем как "буржуазными националистами", так и "пролетарскими интернационалистами"! — в оборот украинской "рідной мове": "Смерть всім, хто на пиришкоді добу́тья вільності трудовому люду".

Характерно, что белые сочетали в своей символике "череп и кости" с выражением готовности умереть, если надо, самим ради спасения родины (на украшенном «мёртвой головой» знамени "Царскосельского батальона смерти" так и было написано: "Лучше смерть, чем гибель Родины"), а нередко – и с ликом Христа Спасителя (как на знамени "Женского батальона смерти" Марии Бочкаревой).

В то же время на большевицких знаменах "мёртвая голова" всегда присутствовала в сочетании отнюдь не с заявлением о готовности красных умереть самим (ну, если не за Родину, то хотя бы за пресловутую "мировую революцию"), а с непременными призывами убить кого-то другого ("мировую буржуазию", "наемников капитала", "врагов трудового народа", "контрреволюционеров", "прихвостней старого режима", неважно кого – лишь

бы кого-то убить...).

Самолеты белых были украшены православными крестами, державными двуглавыми орлами (хотя и без корон!), изображениями русских богатырей и национальными цветами Великой России.

А на советских самолетах той поры зловеще ухмылявшиеся черепа и кости прекрасно сочетались с кровавыми и чёрными пентаграммами, вампирами, ведьмами, красными дьяволятами (в буквальном смысле слова!), бутылками водки, чертями-куроцапами и прочей бесовщиной. Впрочем, сатанинские корни большевицкой символики являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки нашей темы.

Всего через несколько месяцев, вскоре после окончания Великой войны, капитуляции Германии и начала вспыхнувшей там Ноябрьской революции 1918 года, эмблему "мёртвой головы" переняли бойцы белых добровольческих корпусов (фрейкоров), мобилизованных новым республиканским правительством Фридриха Эберта, Филиппа Шейдемана и Густава Носке на борьбу с немецкими большевиками-спартаковцами (немало ветеранов штурмовых и ударных отрядов времен Великой войны вступило в эти добровольческие корпуса, привив им свой ударный дух и свою ударную тактику). Об этом повествуется, в частности, в книге немецкого консервативного революционера Эрнста Юнгера – "Борьба за Державу" ("Der Kampf um das Reich"), в которой он дал всеобъемлющую панораму Ноябрьской революции, или, говоря точнее – Гражданской войны в Германии 1918-1923 годов, выигранной белыми добровольческими корпусами, а фактически – вчерашними бойцами штурмовых и ударных отрядов Великой войны в не менее ожесточенных и кровопролитных схватках с внутренними и внешними врагами Германии.

Поэтому не удивительно, что многие принявшие участие в борьбе с германскими большевиками и остановившие иноземное вторжение на внешних рубежах Германии (в Прибалтике, Силезии и других приграничных областях) белые добровольческие отряды, в память о яростных штурмовых атаках только что отгремевшей Великой войны, именовались штурмовыми (например, Добровольческий штурмовой учебный полк, Добровольческий штурмовой отряд "Шлихтингсгейм", Добровольческий штурмовой отряд Курбьера, Штурмовой отряд Россбаха, Штурмовой батальон Шмидта, Штурмовой отряд Гейнца, Баденский штурмовой батальон, Тирольский штурмовой взвод в составе добровольческого корпуса "Оберланд" и др.), или ударными (Ударный отряд Балтийского ландесвера, Ударный отряд "Эльберсфельд", Железнодорожный ударный отряд "Рур" и т.п.). Но все это случилось несколько позднее. А мы пока вернемся к событиям 21 марта огненного 1918 года.

Был у советской власти, кстати, и еще один "зуб" на Владимира Каппеля. Очень уже обидно было "ленинской гвардии", что Каппель молодецким набегом отнял у нее в Казани царское золото.

Между прочим, несмотря на то, что центральным эпизодом фильма «братьев» Васильевых «Чапаев» является разгром "каппелевцев" удалыми чапаевцами, точных сведений о том, встречался ли Каппель в бою с громадной (до сорока тысяч штыков и сабель!) 25-й Чапаевской дивизией (являвшейся по тем временам высоко механизированным соединением, имевшим на вооружении многочисленную артиллерию, бронеавтомобили, мотоциклы и аэропланы; сам легендарный комдив (и «православный воин», по мнению журнала "Русский Дом"!)) товарищ Василий Иванович Чапаев предпочитал передвигаться, по причине ранения в пах, отнюдь не на "лихом коне" или тачанке с пулеметом, а на

самом что ни на есть "буржуазном" автомобиле марки "Форд", с неплохой для описываемого времени скоростью 50 км в час), на сегодняшний день не имеется.

Историки спорят об этом до сих пор. Но чисто теоретически 25-я Чапаевская дивизия и Волжский (Сибирский) корпус Каппеля могли встречаться в бою в период летне-весеннего наступления красных 1919 года под Белебеем, где прибывавшие из тыла каппелевцы прямо с эшелонов вводились в бой. Могли они сойтись в бою и при обороне белыми Уфы, где части каппелевского корпуса принимали активное участие в наступлении на захваченный чапаевцами плацдарм (кстати, по приказу Чапаева красная артиллерия обстреливала Уфу, включая мирные кварталы, химическими снарядами; впрочем, для «армии мировой революции» применение боевых отравляющих веществ – особенно иприта и фосгена – было чем-то само собой разумеющимся, удушающие газы применяли не только Фрунзе и Чапаев под Уфой, но и Какурин с Жуковым и Тухачевским против повстанческой крестьянской Партизанской армии братьев Антоновых на Тамбовщине в 1921 году, и многие другие).

На даже если бы такого реального боевого столкновения Чапаева с Каппелем и не было в действительности, идеологический заказ, полученный "братьями" Васильевыми, был совершенно однозначен: показать столкновение "народного героя" Чапаева с "врагами народа", которым придавались заведомо нечеловеческие черты. Поэтому облик бойцов Народной армии Каппеля был до неузнаваемости изменен множеством "антинародных" и "классово чуждых пролетариату" атрибутов.

Как мы уже знаем, белый рыцарь Владимир Каппель умер в результате обморожения (сделавшего необходимым частичную ампутацию ступней) и крупозного воспаления легких (по свидетельству осматривавшего его перед смертью врача, одного легкого у Каппеля уже почти не осталось, а от другого осталась едва ли половина!), во время тысячеверстного Ледяного похода сибирской Белой армии 26 января 1920 года. Был похоронен своими соратниками, несшими его бранные останки на руках, в Чите, а, когда Читу пришлось оставить под натиском наседавших красных полчищ – перезахоронен в Харбине. На последнем островке Белой России в Китае (тогда еще не красном, а желтом, но стремительно красневшем). После утверждения в Китае коммунистической диктатуры Мао Цзэдуна красные китайские власти, под давлением своих советских хозяев из московского Кремля, и, более того, по прямому указанию советского консула, в 1955 году снесли памятник на могиле Каппеля, а саму могилу сравняли с землей. В 2007 году прах последнего Главнокомандующего войсками Белой Сибири был перенесен в Москву и перезахоронен на кладбище Донского монастыря, между могилами философа Ивана Ильина и генерала Антона Деникина.

Автору этих строк довелось стоять в Москве в почетном карауле у гроба Деникина, Ильина и Каппеля и провожать их в последний путь. Упокой, Господи, души верных сынов России!

Здесь конец и Богу нашему слава!